

АННА
ЭКБЕРГ

ЗАГАДОЧНАЯ
ЖЕНЩИНА

Анна Экберг

Загадочная женщина

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)

Экберг А.

Загадочная женщина / А. Экберг — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

ISBN 978-617-12-3992-0

Луиза наконец-то обрела счастье: она добилась успеха в работе в маленьком кафе и живет с любимым человеком на острове, в двух шагах от моря. Йоахим, ее возлюбленный, – писатель. После встречи с прекрасной Луизой его жизнь наладилась. Но все разрушил один странный случай... Красивый состоятельный мужчина, владелец многомиллионной компании Эдмунд, однажды пришел в кафе и назвал Луизу Еленой. Он утверждает, что эта женщина – его жена и мать его детей, исчезнувшая три года назад!..

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)

ISBN 978-617-12-3992-0

© Экберг А., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Анна Экберг

Загадочная женщина

© Anna Ekberg and Politikens forlag, J/P Politikens Hus A/S, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

* * *

1

«Я должна как-то выпутаться из этой истории». Елена заторможенно рассматривает темное пятно от чашки с кофе на белой ламинированной поверхности стола. «Я должна как-то выпутаться из этой истории». Весь ее мир рушится, поэтому вот сейчас, в этот момент, она останавливает взгляд на чем-то таком маленьком и незначительном. Заставляет себя поднять глаза, осматривает полицейский участок, пытаюсь сосредоточиться на бумажке, которую вручил полицейский. «Права арестованных» – вот что это. Она может воспользоваться услугами адвоката, может не рассказывать все полиции, может получить еду и питье. А также имеет право на 800 крон компенсации, если была неправомерно задержана более чем на десять минут. Как долго она уже сидит здесь? Во всяком случае больше десяти минут.

– Вы прочитали? – заглядывает ей в глаза полицейский, сидящий напротив: молодой сухощавый парень не старше тридцати лет в мундире явно не своего размера.

Рядом с ним сидит его коллега, чуть постарше, в сером костюме, из-под которого виднеется белая рубашка. Пока он не проронил еще ни единого слова.

– Да.

– И все-таки вы отказываетесь от адвоката?

– Отказываюсь.

Полицейский в мундире бросает взгляд на коллегу. Тот откашливается:

– Фру Сёдерберг, вы понимаете, почему вы здесь находитесь?

Ответить Елена не успевает: все помещение участка вдруг освещается вспышкой фотоаппарата, слепящей и ее, и полицейских. Сердитый крик вскочившего со стула старшего:

– Можно убрать этих фотографов от окон?!

Елена оборачивается – и ее лицо еще раз освещает вспышка. Она на мгновение поднимает обе руки, будто капитулирует. Они получили то, за чем пришли: фото знаменитой Елены Сёдерберг, находящейся под арестом, в наручниках, униженной, подавленной.

– Уберите их оттуда! – снова командует старший.

Несколько молодых полицейских бросаются на улицу, оставшиеся опускают жалюзи. Но ей сейчас это безразлично. Пусть фотографируют что хотят.

– Фру Сёдерберг, – обращается к ней полицейский, делая глубокий вздох и поправляя рубашку, – нам с вами придется пройти еще некоторые процедуры. Мы сделаем анализ ДНК, возьмем отпечатки пальцев... и тому подобное. Возможно, это займет около часа. Вам понятно?

– Да. Хорошо.

– После этого вас поместят в камеру до тех пор, пока не отведут к судье. – Он внимательно смотрит на нее.

Чего он ожидает? Чтоб она что-нибудь сказала?

– Но сначала я обязан зачитать вам обвинение.

Она снова не произносит ни слова.

Старший медлит, будто думает, что ему делать, но все-таки решается и лезет за своими очками в карман пиджака. Создается впечатление, что ему не хочется этим заниматься. Читает он медленно, чисто механически, словно в его руках инструкция к новой кухонной плите:

– Елена Сёдерберг, вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве Луизы Андерсен согласно статье 237.

Елена смотрит ему в глаза. И это все? Это звучит как какая-то неважная ерунда. Преднамеренное убийство. Статья 237. Луиза Андерсен.

Остальные сотрудники участка, находящиеся вокруг нее, сидящие за столами, а также две женщины-полицейские с короткими стрижками, стоящие возле кофеварки, стараются делать вид, что они не слушают все это. Но в помещении стоит гробовая тишина. Все напряжены и внимательны. Зазвонил телефон, но никто не берет трубку – никто не хочет пропустить ни малейшего эпизода этого действия. Сейчас прямо перед ними создается история. Люди будут вспоминать об этом дне годами. Вечером, когда полицейские придут домой к своим семьям и сядут ужинать, они станут рассказывать о том, что здесь происходило. Дети будут слушать их с раскрытыми ртами, тараща глаза. Историю о падении могущественной семьи Сёдерберг. Об убийстве некой невинной Луизы Андерсен.

Елена смотрит в глаза молодому полицейскому, потом старшему. Она может сама закончить за них. Они это заслужили.

– Я признаю свою вину, – шепчет она, замечая, как из помещения выходит воздух, как время словно останавливается на месте. – Я убила Луизу Андерсен.

За две недели до этого

2

Луиза просыпается. Каждое утро она открывает глаза, чтобы увидеть одно и то же. Она все еще не может привыкнуть к этому, но не представляет, что могла бы теперь жить иначе. Море. Прямо рукой подать. Окно как иллюминатор – создается впечатление, что она на борту катера. Больше всего на свете она хотела бы жить на катере. Йоахим часто дразнит ее такой перспективой, но она только улыбается. Было бы странно, если бы она, страдающая от морской болезни, даже плывя на катере из Кристиансё в Борнхольм, – и вдруг решила бы жить среди волн. Кровать стоит так, чтобы первым, на что падает взгляд, когда утром открываешь глаза, было море. У Луизы всегда было ощущение, что по морю к ней придет кто-то, кто изменит ее жизнь. Это наверняка глупость, всего лишь ощущение. Но все же она нередко чувствует что-то такое.

Море сегодня спокойное, оно такого темно-синего цвета, каким бывает только в самый разгар лета. В небе нет ни облачка, на улице слышен шум голосов. Туристы уже встали и отправились гулять. Луиза видит женщину с детской коляской и пожилую пару, сидящую на скамейке. Она часто наблюдает за ними, они всегда там сидят. Двое из девятинаста трех постоянных жителей этих островов. Будут ли они с Йоахимом когда-нибудь так же сидеть здесь? Эта романтическая мысль задерживается в голове Луизы лишь на несколько секунд. Пока ее не прогоняет какой-то высокий мужчина среднего возраста в костюме. Он наверняка не живет постоянно на острове – один из тысяч туристов, приезжающих сюда каждое лето. Мужчина стоит перед террасой кафе. Беспokoйный, раздeрганнyй, какой-то неyравновeшенный, как бyдто что-то ищет. Или, может, он пьян? Луиза закрывает глаза, как вдруг ее

внимание привлекает какой-то звук. Неужели это тот же звук, что разбудил ее? Тот, которого ей так не хватало?

Женщина отбрасывает одеяло в сторону и становится на пол. Ощущает нагретое солнцем дерево паркета под ногами. Выходит на цыпочках из спальни и направляется по коридору к закрытой двери. Некоторое время стоит не двигаясь и чувствует, как ее лицо расплывается в широкой улыбке. Вообще-то ее лицо уже отвыкло улыбаться. Он пишет. Йоахим пишет по-настоящему. И не так, с перебоями и разочарованием, как она часто замечала в последнее время. В такие дни отсюда, из-за двери, казалось, будто он сражается с клавиатурой, и когда он затем выходил, то был похож на человека, вернувшегося с войны: раскрасневшийся, вспотевший, с опухшим лицом. Сегодня звук был совершенно другим. Это был гармоничный стук пальцев, барабаниющих по клавиатуре, – он ясно говорил о свободе и жажде творчества.

Луиза вспоминает, как они впервые встретились. Это одно из ее любимых воспоминаний. Когда еще Йоахим писал, когда весь мир был в его власти и когда он ворвался в ее жизнь. Он приходил почитать в переполненном кафе. Ей было почти сорок, а он был на десять лет старше и на десять сантиметров выше. Она помнит ту уверенность в себе, которая чувствовалась в нем, его густые седые волосы, то, как он смотрел на слушателей поверх своих дешевых очков, читая при этом книгу. Она увлеклась им, он захотел ее – в этом она нисколько не сомневалась. Ей казалось, он был слишком поспешным, и ей снова и снова так кажется, хотя она уже давно знает, что это скрывает совсем другие его стороны: уязвимость и неуверенность.

Она нажимает на ручку двери настолько беззвучно, насколько получается, и проскальзывает в кабинет. Он даже не оборачивается – продолжает писать. Чудесно, его нельзя останавливать. Так долго ему это давалось с трудом! Сначала он принялся было писать новый роман, но потом забуксовал. Раньше с ним такого не случалось: до этого он писал постоянно. Но здесь, на острове, так уже было несколько раз, и Луиза замечала его обеспокоенность. Это можно сравнить с импотенцией, объяснял он. Нет, это даже хуже. Тогда Луиза думала о том, что он, *по крайней мере*, не стал импотентом. Но она еще не знала, насколько это хуже.

Пока он боролся с этим, у Луизы начались проблемы в кафе. Она недооценила, сколько хлопот оно ей доставит. Ведь она уже стала там не нанятой сотрудницей, обязанной просто вписаться в устоявшуюся, созданную кем-то систему. Нет, теперь ей пришлось учиться всему с самого начала и даже научиться быть чьим-то начальником, хотя ей казалось совершенно естественным быть тем, кем ее назначили.

Но вот наконец-то ее жизнь стала более спокойной. В немалой степени этому способствовало появление в кафе Лины. Она была бесценным сокровищем: старательная, амбициозная и ответственная. Именно благодаря ей Луиза могла позволить себе этот выходной день. Сегодня она будет наслаждаться тем, что Йоахим снова с ней.

Он прекращает печатать, поворачивается и смотрит на нее поверх очков, как он всегда делает во время перерыва.

– Я помешала? – улыбается Луиза. – Я не нарочно.

Йоахим встает. Два шага, и вот он уже рядом с ней. Какой-то миг он стоит и смотрит на нее, потом его руки легко обнимают ее бедра. Он целует ее. Одна рука скользит по ней от бедра до шеи, а затем уже не просто касается, а прижимает ее к себе. Вот он прислоняет ее к стене и стаскивает через голову ее ночнушку. Она спускает трусики и остается голой. Одной рукой он расстегивает пуговицы на брюках, а другой по-прежнему обнимает ее за шею и целует. Он входит в нее. Ее тело чувствует его желание, как и взгляд, прикованный к ее лицу, – кожа принимает все это и впитывает в себя. Этот взгляд вселяет в нее жизнь.

На какое-то мгновение она существует только в этом взгляде. В том, что он видит. Она зажимает глаза и слышит, как его стоны становятся все более громкими и хриплыми, – до конца. Она держит его за ягодицы и чувствует, как они напрягаются, а потом расслабляются.

Она слышит, видит и ощущает его. Но из какого-то далекого места, находящегося где-то в глубине, внутри нее. Места, из которого трудно вернуться.

Вернуться. Он обнимает ее.

– Я пойду в уборную, – шепчет она.

Он усмехается, быстро целует ее в лоб. Она его хорошо знает: теперь ему хочется только продолжить работать.

Луиза снова выходит в прихожую и слышит крик Лины из кухни: нет ли у них сегодня новой сезонной работницы по имени Елена?

– А что там?

– Бьёрк не пришла. А там, на улице, какой-то человек спрашивает Елену.

* * *

Переодеваясь, Луиза ругает саму себя. Нужно уволить Бьёрк: она не справляется со своими обязанностями, а теперь еще и испортит Луизе выходной. Можно посочувствовать и Лине, которая с удовольствием сходила бы в копильню за селедкой да пофлиртовала бы с сезонными рабочими, приехавшими с материка, или просто зависла бы в «Фейсбуке», попивая кофе, – все это невозможно делать, когда шеф на месте.

Но Луизу выводит из себя не только мысль о неудавшемся выходном. Она просто не в состоянии идти в это душное кафе, накрывать столики, ставить новые стеариновые свечи в светильники, в общем, выполнять всю ту нудную рутинную работу, которую они каждый раз делают перед открытием.

На улице уже совсем тепло. Луиза стоит на маленькой, хорошо обустроенной кухне и перемешивает рыбный фарш. Свежий мелко нарезанный фенхель лежит рядом. Не хватает только пряностей – их надо взять из банок на террасе. Эстрагон, укроп, кервель и петрушка. Этим рецептом она пользуется уже давно и довела его до совершенства, он стал одним из фирменных блюд кафе. Пожалуй, свой выходной она окончательно испортила. И все же следует признать, она любит работать здесь, на кухне. Ей действительно нравится ходить в копильню и стоять перед плитой до появления туристов. Ленивая муха жужжит у приоткрытого окна над мойкой. Луиза вытирает пот со лба и руки о передник и идет прогонять муху. Мимоходом смотрит на свое отражение в оконном стекле. Ее светлые волосы туго собраны вверх: она требует этого ото всех девушек на своей кухне. Легкий ветерок овеивает Луизу, когда она стоит перед открытым окном и наблюдает за мухой, переставшей жужжать, как только открылось окно: та садится на подоконник, взмахивает крыльями вверх-вниз, но не улетает.

Когда-то она тоже стояла здесь, у выхода. Перед ней в то время были открыты все двери. Она могла сделать что угодно, поехать куда угодно. Могла все то, о чем теперь думает. Было ли это совпадением, или просто судьба решила так, чтобы она осталась здесь? Луиза не знает, почему так сложилось, но не перестает удивляться тому, что все произошло именно так. Это было объявление в порту Рённе. Она только что приехала, и ей просто хотелось попробовать чего-нибудь совершенно нового, что было бы не слишком обременительным. «В маленькое, уютное и раскрученное кафе на Кристиансё приглашаются сезонные работницы: исполнительные и надежные, с хорошим чувством юмора, настроенные тепло обслуживать клиента и не страдающие повышенной раздражительностью после долгого нахождения в замкнутом пространстве». Так было написано в том объявлении. Луиза до сих пор помнит этот текст и пишет то же самое, когда дает собственные объявления для поиска

сотрудников. Тогда она искала подработку и не сильно задумывалась над этим. Думала лишь о том, что это будет неплохая кратковременная работа, до тех пор, пока она не найдет то, что ей по душе. Но задержалась здесь, и временная работа незаметно для нее стала постоянной. *If it works, why fix it?* Это сказал Том Джонс в интервью одному журналисту, когда тот спросил его, как он может петь одни и те же песни снова и снова. Зачем что-то чинить, если оно и так работает?

– Я уже накрыла столы. Открывать кафе?

Луиза смотрит на часы. Лина справилась немного раньше.

– Через десять минут. Пока нарежь салаты.

Они работают молча. Так бывает, когда люди хорошо притерлись друг к другу – как она привыкла работать с Беатой, бывшей хозяйкой. Луиза ничего не знала о том, как вести дела в кафе. Она чувствовала себя полной неумехой вначале и задавала кучу вопросов обо всем. К счастью, Беата всегда была готова отвечать на них, и вскоре у Луизы стало появляться все больше обязанностей. Она не планировала становиться владелицей кафе, но Беата рассмотрела в помощнице нечто такое, чего та сама в себе не замечала. Способности руководителя? Талант к предпринимательству? Беата жила недалеко от Гудйема на Борнхольме, в доме, где провела детство. Ее квартира над кафе оставалась пустой. В течение всего лета Луиза жила у Беаты и платила за комнату довольно много. По окончании туристического сезона та предложила переехать в квартиру над кафе и стать постоянным сотрудником. Так единственная из четырех летних работников кафе она стала работать круглый год. И осталась здесь. Хотя квартира была маленькой, Луизе она сразу понравилась. И плата за проживание оказалась умеренной.

В первый год ей непросто было привыкнуть к осени и зиме. Темнота, стужа, иное течение времени... даже море пахло иначе. Да и постоянные жители острова Кристиансё и его меньшего собрата Фредериксё совершенно не были похожи на тех, кого она обслуживала летом. Теперь у них было больше свободного времени, и они проводили его по-другому. Некоторые посетители только тем и занимались, что сидели да медитировали над чашечкой кофе или газетой. Островитяне не платят почти никаких налогов – Луиза поняла это, когда впервые взяла в руки расчетный листок своей зарплаты: ей выдали почти все. Привычный для всех 30 %-ный коммунальный налог, оказывается, не применяется к жителям островов, поскольку они не относятся ни к какой коммуне.

К тому времени Луиза узнала, что эти острова как историческая часть системы обороны Дании подчиняются непосредственно Министерству обороны. И они должны быть заселены, иначе возникает опасность, что их захватят русские, – таковы международные правила. Так что требовалось привлечь сюда как можно больше своих, чтобы держать русских подальше. Поэтому по датскому закону те, кто хотел иметь здесь участок земли, должны были здесь жить. И поэтому же население на маленьких чудесных островках Луизы освободили от налогов.

– Он стучится в дверь. – Голос Лины нарушил ход мыслей Луизы.

– Кто?

– Тот человек, который спрашивал о Елене. Впустить его? Мы можем открывать кафе?

3

Белые столы блестят на солнце до тех пор, пока Луиза не накрывает их скатертями. Ей нравятся эти греческие цвета – темно-синий и белый – в сочетании с большими красными глиняными горшками для пряностей местного производства, которые стоят как забор, ограждающий кафе от улицы. Как раз сейчас цветет майоран, и от него исходит аромат Италии – она ставит маленькие отростки в рюмки на всех столиках. Никаких цветов, только

пряности. Летом терраса становится главной частью кафе. Улица переполнена обгоревшими туристами, постоянно недооценивающими силу солнечных лучей на маленьких островах. Это как-то связано с морем и отражением от него солнечного света, но Луиза толком не может этого понять. Самой ей достаточно немного масла для загара с невысоким УФ-индексом, иногда даже и осенью. Она смотрит вверх, а в это время мужчина кричит:

– Елена!

Крик раздается совсем рядом с террасой.

Луиза окидывает его поспешным взглядом. Только сейчас она его по-настоящему рассмотрела. Это интересный темноволосый мужчина в дорогом светлом, отлично сидящем на нем костюме.

Она возвращается, идет внутрь и улыбается Йоахиму. Тот уже спустился и теперь сидит за столом и завтракает, а перед ним лежит ворох бумаг.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – говорит он. – У тебя есть время? Ты уже открываешь?

– Через пять минут.

– Так вот. Новый роман будет называться «Выход». И начинается он так...

Йоахим принимается рыться в своем ворохе, который кажется необъятным, – но это хорошая примета. Когда Йоахим пишет, он пишет быстро и много. Он откашливается и начинает читать:

– «Она вспоминает большую собаку, которая стояла в самом начале крутого подъема, ведущего к школе. Каждое утро она боялась, что собака ждала именно ее. Другие дети не так боялись пса, как она: он ведь только лаял на них. И в возрасте всего лишь шести лет она уже придумала первую в своей жизни стратегию выживания. Стратегию, которая впоследствии ей пригодится...» – Йоахим посмотрел поверх очков.

– Что дальше? Что она стала делать?

– «Она нагнулась очень медленно, ни на миг не отводя взгляда от собаки. Потом подняла камень, самый большой, какой только смогла найти, и двинулась вперед, навстречу зверю. Уверенно подняла руку с камнем над головой, по-прежнему не отводя взгляда от собаки...» – Йоахим остановился. – Это самое начало книги.

– О чем она?

– О женщине и ее любви к мужчине, который так и не стал ее.

– Но у этого романа хоть хороший конец?

– Нет, конечно, – улыбается он. – Большая любовь добром не заканчивается. – Он перехватывает ее взгляд и поспешно добавляет: – В литературе.

Он еще что-то говорит, но она снова слышит, как тот странный мужчина зовет и громко стучит в оконное стекло.

– Елена!

Снова и снова. Она с любопытством выглядывает на улицу: он стоит там, у двери, и стучит в окошко.

– Это какой-то швед?

– Да не похоже.

Луиза пытается представить себе этого мужчину. Он не похож на тех, что имеют обыкновение устраивать беспорядки на улице: на пьяного не смахивает, умыт, побрит, прилично выглядит. А в окно стучит все сильнее и сильнее.

– Пойду поговорю с ним. – Йоахим поднимается, проходит через безлюдное кафе и отпирает дверь.

– Елена, – повторяет мужчина и проходит мимо него.

– Эй! – Йоахим пытается задержать его, но тот идет слишком быстро.

До Луизы доходит, что он идет именно в ее сторону, смотрит прямо на нее и зовет:

– Елена! Это же я!

Он высокий и широкоплечий, настоящий красавец, оценивает Луиза. У него густые блестящие волосы, а челка падает прямо на глаза, не закрывая, а, наоборот, оттеняя их. Зеленые глаза. Светло-зеленые глаза, которые смотрят прямо на нее.

– Елена! – Голос мужчины становится тише.

Тяжело дыша и явно волнуясь, он останавливается прямо перед Луизой.

Йоахим все-таки догоняет его:

– Боюсь, друг мой, вы обознались.

Йоахим говорит своим обычным уверенным, даже авторитарным голосом. Его трудно не заметить: как правило, все слушают, когда он вступает в разговор. Но мужчина совершенно игнорирует его и делает еще шаг к ней.

– Елена, это же я!

Йоахим становится между ними, и теперь мужчина должен оттолкнуть его, чтобы идти дальше. Толчок не сильный – просто легкое движение руки, – но Йоахим чуть не теряет равновесие. Стул переворачивается, кофейная чашка падает на пол – звон, разлетающиеся осколки.

Лина подбегает к Йоахиму и пытается поддержать его. Луиза в смятении – она не понимает, что происходит.

– Елена.

Луиза отступает. И тут мужчина бросается к ней и хватается за левую руку.

– Не трогайте меня.

– Ты что, не узнаешь меня? Это же я, Эдмунд. Что с тобой?

– Да отпустите же! – Луиза повышает голос.

Йоахим подходит вплотную и крепко хватается человека, назвавшего себя Эдмундом:

– Ну, довольно! Отпустите ее.

Но тот только принимается кричать еще громче, и в его голосе появляется что-то новое, чего Луиза вначале не слышала. Отчаяние? Возмущение?

Не видно, чтобы мужчина сердился, был опасным, – он скорее жалок. Не отводит взгляда от Луизы и смотрит только на нее. И глаза полны слез.

– Елена! – Он раз за разом повторяет это имя. – Ты же моя жена, Елена. Моя жена!

– Ты совсем свихнулся. – Йоахим тащит мужчину к двери, пытаясь вытолкнуть на улицу. – Лина, беги в табачную лавку за подмогой!

– Это же я, твой муж. Ты меня так и не узнала? Елена...

Его последние слова поразили ее: они летят, словно какой-то реальный предмет, от которого ей приходится уворачиваться. И она начинает терять равновесие.

4

Йоахим до сих пор не видел Луизу настолько потрясенной. Он пытается удержать ее на ногах.

– С тобой все в порядке?

Она никак не реагирует.

За их спинами один из крепких парней из табачной лавки кричит:

– Успокойся! Ты же видишь, она не узнает тебя!

На острове нет полиции, поэтому, когда назревает скандал, все находящиеся рядом должны помогать.

Йоахим оборачивается и смотрит на эту сумятицу, на этого вспотевшего парня, который, по его мнению, вопит слишком громко.

Однако резкий окрик действует. Мужчина будто бы совершенно успокаивается, но взгляд его нервно блуждает: такое впечатление, что он только сейчас заметил, какой кавардак устроил. Вокруг собираются глазающие туристы, а его самого крепко держат четверо мужчин.

– Не следует его отпускать, – заявляет один из старших, исходя из своего опыта. – Раз человек напился, то надо держать его, пока не придет полиция из Рённе.

Внимание Йоахима снова обращено к Луизе. Совсем ненадолго... Непросто это признать, но это длилось совсем недолго, когда Йоахим смотрел, как мужчина заходит в кафе, как он раздумывал, узнает ли она его. Йоахим пытается поддержать Луизу.

– Ситуация под контролем. Все уже нормально. – Он подхватывает Луизу под руку.

– Что ему нужно?

– Он нездоров. Скоро успокоится.

– Я не хочу, чтобы он был здесь...

– Мы выведем его на улицу, он постепенно образумится и уйдет отсюда.

– Я только хочу, чтобы его здесь не было... Сейчас же...

Отчего ее голос стал таким пронзительным? Отчего она так дрожит? Он никогда раньше ее такой не видел – и ошеломлен ее реакцией.

Луиза. Его прекрасная дама. Она ведь всегда хотела быть частью его – частью, которая даже не понимает, как она его выбрала. Он знает, что многие женщины без ума от него, но не может воспринимать их всерьез, как, впрочем, и самого себя. Даже мысль о том, что ему следует быть особенно глубокой и чувственной натурой, чтобы писать, кажется смешной. Люди воспринимают его как какого-то оракула. Луиза не такая: она не воспринимает его так серьезно. Не робеет перед ним. Но вот только она испугалась того человека, которого сейчас крепко держат соседи, или, по меньшей мере, утратила уверенность в себе – это хорошо заметно.

Мужчина сопротивляется все сильнее. Он не согласен, чтобы его так держали, и прилагает все силы, чтобы вырваться. Начинает кричать. Если бы только они могли сделать так, чтобы он заткнулся! Он явно силен, у него хорошая физическая подготовка. Один из мужчин, державших его, навалился всем своим весом ему на спину, чтобы он не высвободил руки. Он стягивает с себя ремень и связывает им запястья пленника.

– Я уже позвонила, – говорит Лина, стоя за барной стойкой. Судя по позе и выражению лица, она готова забаррикадироваться на кухне и держать оборону, если это понадобится.

Полиция скоро будет здесь. Йоахим вздыхает. Может быть, это слишком крутая мера. А с другой стороны, вероятно, они знают, к кому направить этого человека, кто может ему помочь. Он теперь не вырывается, и его глаза уже не так широко раскрыты – они просто грустные, отрешенные. Но он не отводит взгляда от Луизы, а это ей очень неприятно. Да и Йоахиму тоже. Полиция уже должна быть на пути из Рённе. У них быстрый катер, быстрее, чем паром. Но все же придется подождать. Соседи должны пока удерживать буяна, попытаться вернуть его к здравому смыслу. Но Луизе больше не следует терпеть все это.

– Лина, ты побудешь здесь и подождешь, пока придет полиция? Я отведу Луизу на кухню, ей нужно немного успокоиться.

Луиза вздрагивает так, будто его слова разбудили ее.

– Нет! Здесь я за все несу ответственность, и я никуда не пойду, пока здесь все не выяснится.

– Луиза, пойдем. – Йоахим пытается потихоньку отвести ее на кухню, но она противится.

– Это мое кафе, и я должна быть здесь. – Она уже внешне спокойна.

Йоахим понимает, что происходит внутри нее. Она пытается оценить обстановку, определить, что требуется от нее. Вот справляется со ступором, освобождается от его рук,

выпрямляется, делает глубокий вдох и снова становится сама собой. Спокойная, решительная, начинает наводить порядок:

– Проведите его, пожалуйста, на кухню. Дайте ему что-нибудь попить. У вас есть время побыть здесь с ним?

– Разумеется, – отвечает самый старший из табачной лавки, выпрямляясь.

Йоахим замечает, как он сияет от гордости: ему удалось вовремя вмешаться, он спас фру Луизу от нападения этого психопата. Тот вроде уже смирился совершенно со всем: с восхищением смотрит на Луизу, совершенно не сопротивляется ее приказам и позволяет вывести себя отсюда. А Луиза теперь не обращает на него внимания и занимается посетителями кафе. Посетители прибывают: на острове больше некуда пойти, если хочешь утолить голод. Йоахим восхищается своей женщиной. Теперь он любит ее еще сильнее.

– Я очень сожалею о том, что произошло. – Ее голос излучает гостеприимство. – Пока вы посидите, мы быстренько наведем порядок.

Йоахим прохаживается между кафе и кухней не в состоянии найти себе ни места, ни дела. Наконец появляются двое полицейских. Один из них, парень спортивного вида, сразу не понравился Йоахиму: он наголо обрит, имеет татуировки и похож на человека, который может легко оказаться не в ладах с законом. Второй полицейский оказался более симпатичным. Они подают руки и представляются. Йоахим не разобрал имени старшего. Что-то вроде Кофозд? Таких имен на острове немало.

– Это здесь, – говорит Йоахим и жестом приглашает их идти за собой.

Полисмены немного удивлены спокойствию в кафе: пока работы для полиции здесь не видно.

– Это не совсем то впечатление об обстановке, которое у нас сложилось, когда нам позвонили, – говорит младший.

– Я понимаю. Нам помогли справиться соседи, – отвечает Йоахим, виновато жестикулируя и глядя на женщину, которая им позвонила. – Это Лина. Возможно, она немного преувеличила, вызывая вас.

– И как теперь?

– Теперь этот человек успокоился. Но все же он немного не в себе. Должно быть, пьяный или больной.

– Что ему было нужно? Может, он был чем-то недоволен? Счетом или обслуживанием?

– Нет. Он только зашел в кафе и перепутал мою любимую со своей женой: звал ее, кричал, хватал за руку...

Йоахим приглашает полицейских на кухню, показывает в сторону сидящего на табурете мужчины и осматривается в поисках Луизы.

– А где она?

Лина кивает на дверь, ведущую к запасной лестнице:

– Вероятно, поднялась на минутку за чем-нибудь наверх.

Йоахим поспешно поворачивается к полицейским:

– Пойду скажу ей, что вы уже приехали.

* * *

Луиза сидит на кровати, согнув ноги в коленях и обхватив их руками. Уткнувшись подбородком в колени, она выглядывает в свой любимый иллюминатор. И ее опять всю трясет. Йоахим садится рядом, обнимает ее за плечи. Она кладет голову ему на грудь, по ее щекам текут слезы.

– Я так испугалась...

– Я тебя понимаю, но все уже позади.

– Все, что он сказал, было так неожиданно...

– Он уже успокоился, да и полиция приехала. Они заберут его с собой и окажут ему помощь.

– Должно быть, у него не все в порядке с головой.

– Может быть, что-то не так с препаратом, который он принимает? Я слышал, что такое может произойти, если больные забывают принять свое лекарство или принимают не то, что им прописано. Пойдем-ка вниз, полицейским хотелось бы поговорить с тобой, прежде чем увезти его с собой.

Луиза кивает, вытирает слезы и поднимается с кровати. По ней едва заметно, что она недавно плакала. Все-таки она чертовски красивая и такая элегантная... особенно по сравнению с ним. Может быть, именно из-за нее он не мог взять себя по-настоящему в руки и начать работать. Мысль об этом часто появлялась у Йоахима в голове: писатель не должен жить в тепличных условиях. Да, это всего лишь клише, но, вполне возможно, оно правильное. Хемингуэй, Бликсен... все великие. Неразделенная любовь – единственное, что дает силы писателю. Когда ему было очень плохо, когда он был не в состоянии написать ни единой строчки, он даже задумывался над тем, чтобы отказаться от своего счастья с Луизой... Йоахим гонит прочь эту мысль. Это какой-то вздор. Само собой разумеется, человек может писать, даже если он живет с любимой женщиной.

На кухне по-прежнему спокойно. Один из полицейских разговаривает по телефону, держа что-то в руке. Фотографию? Второй тихо о чем-то спрашивает задержанного, а тот спокойно и понимающе отвечает на его вопросы. Трудно разобрать, о чем они говорят, но все происходит далеко не так, как Йоахим представлял. Луиза тоже стоит рядом и настороженно смотрит на них.

– Что здесь происходит?

– Мы все же должны попросить вас поехать с нами в наш участок в Рённе. Есть еще кое-что, что мы должны выяснить.

– Что значит *выяснить*? – Йоахим делает шаг вперед.

– Мы просто должны обсудить все подробно и спокойно.

– Что обсудить?

– На всякий случай. Мы должны сесть и разложить по порядку все детали этой истории.

Йоахим смотрит на Луизу, угрюмо стоящую рядом: она отрицательно качает головой. Но достаточно лишь взглянуть на полицейских, чтобы понять, что они настроены серьезно и возражать им бесполезно. Йоахим вздыхает и снова смотрит на Луизу. Отводит ее в угол кухни, а в это время мужчина все глядит на нее тоскливым взглядом. Все это раздражает. Независимо от того, что у него за заболевание.

– Мы обязаны поехать с ними, – шепчет ей Йоахим.

– Но почему?

– Я и сам не знаю. – Он пожимает плечами. – Это неважно. Возможно, нужно лишь составить протокол.

– Да почему этого обозначившегося человека нужно воспринимать серьезно? Почему я должна потерять из-за него еще больше времени?

– Пойдем же, Луиза. Никакие возражения не помогут. Это не окажется слишком долго. Потом мы вернемся, а пока Лина с помощницей будут работать здесь.

– Мария.

– Что?

– Ее зовут Мария. Черт возьми, Йоахим, ты никогда не слушаешь того, что тебе говорят?

– Прости. Ну, разумеется, Мария.

Луиза пожимает плечами и устало осматривается, но кивает и надевает жакет. И в этот момент он чувствует. Как раз тогда, когда она уже направляется к двери. В ней что-то меняется. Вот только он не может понять, что именно.

5

Чего она так испугалась? Луиза рассматривает нарушителя своего спокойствия, наблюдает, как ему помогают выйти из полицейского катера. Теперь она видит в нем всего лишь смущенного беднягу, окруженного толпой радостных туристов в порту Гудйема.

Автомобиль Йоахима стоит недалеко от порта, в арендуемом ими гараже. Йоахим распахивает двери, и слышно, как визжат петли. Луиза ждет снаружи, пока он выезжает оттуда задним ходом. Старенький оранжевый «вольво», который он никогда не моет и не чистит внутри. Луизе безразлично. Она редко ездит в Борнхольм: необходимые товары она заказывает по вечерам, и их привозят на следующее утро одиннадцатичасовым катером. Это у Йоахима время от времени возникает необходимость съездить на Борнхольм или на континент, на чтения. Тогда он отправляется в Рёнке паромом, а потом разъезжает на своем «вольво» проселочными дорогами. Небольшие городки, библиотеки, читательские клубы, объединения любителей книги. Но она не может припомнить точно, когда это было – он давно не уезжал.

Йоахим открывает Луизе дверцу, и она садится в автомобиль. Ей приходится буквально заставлять свое тело совершать каждое движение – это сегодня так трудно! При дневном свете на окнах особенно заметна пыль. Йоахим пытается счистить ее специальной жидкостью для мытья окон, но ее осталось в бутылке лишь несколько капель. Пыль только размазалась по стеклам, и они выглядят еще хуже, чем раньше. Луиза замечает его раздражение. В этом он весь: никакой практической жилки. Ни в ведении хозяйства, ни в уборке, ни в приготовлении пищи... у него даже заканчивается жидкость для мытья окон.

– Это действительно необходимо? – резко спрашивает Луиза, не ожидая никакого ответа.

– Это чертовски неприятно, но... – Он что-то мямлит о том, что никогда еще не бывал в полицейском участке и, возможно, это будет полезно для его книги.

– А ты не мог найти картинку с участком в интернете, и мы бы тогда смогли обойтись без этого визита?

– Интернет для писателя не годится. – И он начинает рассуждать о каких-то характерных черточках, о том, что рассказ, как и дьявол, должен раскрываться в деталях.

Но она его не слышит и рассматривает пейзаж: ничего другого кроме движущихся красок. Как долго она, собственно говоря, не была на Борнхольме? Спокойная жизнь на Кристиансё ей полностью подходит. Это для нее – мини-вселенная, в которой есть все. Она делает глубокий вдох и пытается расслабиться. Пусть все пройдет. Все ее тело напряжено с того самого момента, когда этот странный мужчина ворвался к ней в кафе. Почему это оказывает на нее такое сильное воздействие?

Когда они подъезжают к полицейскому участку, Йоахим паркуется перед этим мрачным двухэтажным домом. Самое безобразное место на Борнхольме, по мнению Луизы. Здание почти полностью скрывают выющиеся растения, напоминающие плющ. Но они только пытаются скрыть правду: в этом месте живет не красота, а, наоборот, уродство, насилие, пьянство, несчастные случаи и проблемы. Полицейский автомобиль уже стоит на парковке. Луиза с Йоахимом продолжают сидеть в своем «вольво», пока полицейские заходят в участок с задержанным мужчиной. Йоахим кладет руку ей на бедро и слегка сжимает:

– Это ненадолго.

* * *

Зайдя внутрь, они оказываются перед длинной неудобной стойкой, за которой стоит молодой человек, почти мальчик, явно перестаравшийся с гелем для волос. Он вопросительно смотрит, но, прежде чем они успевают что-то сказать, навстречу им выходят двое полицейских. Один из них – молодой, приехавший за задержанным, – представляется снова, будто они страдают старческой забывчивостью. Но Йоахим помнит: его зовут Мортен Раск. Второй полицейский – низенькая женщина с совершенно гладкими коричневыми волосами, связанными в пучок, и таким кривым носом, что не пялиться на него просто невозможно. Она протягивает руку и сначала приветствует Йоахима, а затем Луизу.

– Ибен, – представляется она и продолжает: – Для начала мы бы хотели поговорить с каждым из вас отдельно. Поэтому прошу вас следовать за мной.

Йоахим быстро глянул на Луизу.

– Я останусь с ней.

– Мой коллега займется фру, пока мы будем беседовать.

– Иди, – вздыхает Луиза. – Давай уже потерпим, чтобы скорее вернуться домой.

Женщина-полицейский стоит в коридоре и ждет, открыв дверь и ожидающе поглядывая на него. Йоахим пожимает плечами, поглаживает Луизу по руке и улыбается ей. Потом поворачивается и уходит. Дверь за ними закрывается, и перед Луизой остается пустой коридор. Шесть дверей, по три с каждой стороны, сосчитала она. Интересно знать, за которой из них окажется она сама. Вот энергичной, пружинистой походкой идет Мортен. Останавливается перед одной из дверей, где крупными яркими буквами написано: «Кабинет для допросов № 2». *Для допросов*. Такое жесткое слово. Но наверняка это всего лишь свободное помещение. А тот странный мужчина, вероятно, сидит в «Кабинете для допросов № 1»?

Она заходит за Мортеном в помещение – оно просторнее, чем она предполагала. В нем два больших окна с широкими подоконниками. Видимо, помещение выходит на северную сторону, и поэтому там не очень-то светло. Посреди кабинета стоит стол с двумя стульями с каждой стороны. А больше здесь ничего нет. Мортен Раск отставляет стул с одной стороны стола и приглашает ее сесть, а сам он располагается с противоположной стороны стола прямо перед ней.

Он кладет на стол перед Луизой фотографию. Лето. На террасе перед роскошным белым домом собралась семья. На столе стоят флажки: похоже, это чей-то день рождения. Посредине сидит пожилая элегантная женщина с маленькой светловолосой девочкой на коленях. Обе они улыбаются фотографу. Рядом сидит темноволосый мальчик чуть постарше, отвернувшийся в другую сторону. Сзади к ним подходит женщина с подносом, на котором стоят фарфоровые чашки, составленные одна на одну, серебристый кофейник и молочник. Рисунок на фарфоре виден четко, до мельчайших деталей: и волнистые бороздки, и нежно-голубой цветочный орнамент. Заметны ухоженные руки женщины. Взгляд Луизы задержался на кольце с большим камнем (бирюза?) и еще одном узком золотом кольце под ним. Она рассматривает всю женщину целиком. У нее уложены волосы, на ней летнее платье цвета слоновой кости, прошитое золотыми нитками. На платье тонкие ремешки, опоясывающие, но не стягивающие фигуру.

– Вы можете рассказать, кто изображен на этом снимке?

– Я не знаю этих людей.

– А эту женщину вы тоже не узнаете? – Полицейский ведет указательным пальцем над фотографией, останавливаясь на даме с подносом.

Стройная женщина с красивыми формами, светловолосая, голубоглазая с полными губами? Смотреть на нее Луизе тяжело. Трудно сосредоточиться. Она пытается понять: почему же ей так сложно на нее смотреть?

– Я раньше никого из них не видела.

– Вы же прекрасно замечаете сходство?

– Возможно.

– Это вы?

– Нет, я раньше никого из них не видела, я же говорила вам. Мне не знакомо это место, и я никогда прежде не видела этот дом.

– Но ведь вы же похожи друг на друга?

– Да, вполне возможно.

– Откуда такое сходство?

– Понятия не имею.

– У вас есть сестра-близнец?

– У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Хорошо. Единокровная сестра?

– Никаких братьев и сестер, я же вам уже сказала.

– Вы уверены?

– Что вы хотите этим сказать? Конечно, я уверена.

Полицейский откидывается на спинку стула, закладывает руки за голову и внимательно смотрит на нее. От его пристального взгляда Луизе становится не по себе.

– Сколько вам лет, фру Луиза?

– Сорок один.

– Значит, вы родились в...

– Семьдесят четвертом.

Он распрямляется, закидывает ногу на ногу:

– Расскажите мне что-нибудь о своей семье.

– Зачем?

Он опять указывает на женщину на фотографии, и на этот раз его палец не зависает, а тыкает прямо в нее. От этого Луизе становится не по себе, и она не может понять, что же, собственно, с ней происходит.

– Женщину зовут Елена Сёдерберг. Это вы?

– Нет, я же уже говорила.

– Тогда расскажите мне, кто вы.

– Я – Луиза Андерсен, вы ведь это уже знаете. А в чем дело?

– Кто ваш отец, Луиза? Почему вы так уверены, что у вас нет сестры? Единокровной сестры, с которой вы не знакомы, – откуда вы это знаете?

– В чем, собственно, дело? Почему вы говорите со мной так, словно в чем-то меня подозреваете?

– Почему вы не хотите рассказать мне о своей семье?

Луиза хватается ртом воздух, все завертелось у нее перед глазами, ей становится тошно. Проклятая головная боль. Когда это началось? Сегодня утром? Или со вчерашнего дня?

– Хорошо, давайте зайдем с другой стороны. Вы приехали на остров три года тому назад. Расскажите мне, что вы делали до этого?

– Ничего особенного. Я путешествовала, – отвечает Луиза.

Снова у нее болит голова, теперь где-то спереди. Возможно, она заболевает?

– Путешествовали?

– Да, путешествовала, – говорит она раздраженно.

– Чем вы занимались?

– Я... да ничем особенным. Работала в различных кафе, переезжала из города в город, – повторяет Луиза. – Я не слишком хорошо помню свои путешествия, да и детский дом тоже.

Ей пришлось забыть все это, когда она приехала на остров, – чтобы жить настоящим. Это ведь не запрещено.

– Луиза?

– Да?

– Вы можете назвать мне какое-нибудь место, где вы раньше работали? Тогда, возможно, я смогу связаться с ними...

Полицейский роется в своих бумагах, его голос куда-то пропадает; Луиза уже не в состоянии воспринимать этот голос. Как и сухие звуки листаемых документов, которые шелестят друг о друга, переворачиваемые шершавой кожей на его указательном пальце. Она смотрит на этот палец, как загипнотизированная, ей становится тошно, глаза закрываются. Все помещение раскачивается, двигается, как при поездке из Кристиансё в Гудйем, она все еще чувствует, как катер качается у нее под ногами. Темнота. Она снова поспешно открывает глаза. Ей не хочется, чтобы ее затянуло туда. А Мортен все листает, на лбу у него появилась морщина. Что он там выискивает? По крайней мере, он больше не глядит на нее обвиняюще. Она снова пристально рассматривает женщину в светлом летнем платье, дом, пожилую женщину, детей. И опять ничего не узнает.

6

Сначала в свой кабинет заходит полицейская. Это вытянутое помещение с письменным столом и креслом на колесиках, расположенными в самом его конце. У стены, напротив двери, стоит маленький круглый журнальный столик и два деревянных стула с красной обивкой. На столе виднеется большая табличка с надписью. Ибен Х. Хансен. Йоахим садится на один из стульев. Что может означать эта «Х»? Еще раз Хансен? Йоахим представляет себе это имя так: Ибен Хансен Хансен. Воображение уже работает дальше, как обычно: он представляет себе, что у обоих родителей была фамилия Хансен, но они не смогли прийти к согласию, чью фамилию должна взять их дочь Ибен. Смешная история. Он пытается сосредоточиться на событиях, происходящих в настоящий момент. Стул, на котором он сейчас сидит, жесткий, хотя и обит тканью, и неудобный. Ибен Хансен Хансен поворачивает свое кресло на колесиках и усаживается в него. Она сидит, широко расставив ноги, упираясь локтями в колени и нагнувшись к нему с дружелюбным выражением лица.

– У нас есть к вам несколько вопросов относительно вас и Луизы.

Йоахим выжидающе кивает.

– Эдмунд Сёдерберг.

– Кто?

– Человека, пришедшего к вашей любимой, зовут Эдмунд Сёдерберг. Он директор «Сёдерберг Шиппинг», крупной судоходной компании в Силькеборге. Вы наверняка слышали о ней?

– Разумеется. – Йоахим откидывается назад и ощущает жесткую спинку стула.

Он удивлен и не может этого скрыть. Семья Сёдерберг – одна из известнейших и богатейших семей в стране.

– Мне нужно знать, где вы познакомились с фру Луизой.

– А какое отношение она имеет к «Сёдерберг Шиппинг»?

– Давайте сначала займемся моими вопросами, – решительно заявляет полицейская. – Итак, как долго вы знакомы с Луизой?

Йоахим делает глубокий вдох, хочет было снова протестовать, но осознает, что это бесполезно.

– Я познакомился с ней примерно два с половиной года назад, – отвечает он, поднимая руки в знак согласия, и все же не выдерживает: – Это совершенно смехотворно. Это что, допрос?

– Так вы не можете вспомнить, когда вы встретились с ней? – спрашивает раздраженная женщина.

– Подождите, черт побери! Я как раз вспоминаю, когда я с ней встретился... Это было сразу после... дайте подумать; да, это было в марте, а сейчас у нас что, июль?

Ну вот, два года и четыре месяца?

Ибен все время кивает, не проявляя никаких эмоций. Йоахим терпеть не может разговаривать с такими людьми. Людьми, которые совершенно не эмоциональны. Он садится так же, как она, широко расставив ноги и упираясь локтями в колени, и копирует ее интонации.

– Я встретился с Луизой во время своих чтений, в том самом кафе, которое ей сейчас принадлежит. Я уже тогда понял, что в ней есть что-то особенное, и да... с того дня мы больше не расставались друг с другом. Я переехал к ней практически сразу. Это все?

– Где вы жили в то время?

– В пансионе, если вам это нужно знать.

– В пансионе?

– Да, я как раз развёлся.

Йоахим внимательно рассматривает Ибен Хансен Хансен, ее толстое обручальное кольцо: оно такого размера, что больше похоже на гайку. Может, ей тоже нужно поскорее развестись?

– Вы, наверное, знаете, как это бывает... Когда человеку нужно просто уехать? – говорит Йоахим, понимая, что ведет себя несколько по-детски. Но именно такую реакцию полиция или вообще любая власть часто провоцирует в нем: он становится строптивым, он не любит, когда ему отдают приказания. – Мне следовало убраться из Копенгагена, и я бежал как можно дальше на восток, – слышит он свои собственные слова.

Зачем так много рассказывать этой Ибен? Чтобы вдохновить ее. Вдохновить на то, чтобы она занималась дальше не им, а этим больным человеком, который крепко подцепил ее на крючок.

– Семья моей бывшей жены с запада, поэтому восток был очевидным выбором. Мне надо было просто бежать. У меня никогда не получалось обустроиться по-настоящему, и тогда, да, тогда я принял решение, что мы будем вместе. Такое бывает, когда человек встречает самую большую любовь своей жизни, Ибен, – продолжает он, подняв брови и стараясь выглядеть назидательно.

– Луиза была замужем до этого?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да. Она бы об этом рассказала.

– А что она рассказывала? Например, о своей семье?

– Она не поддерживает отношений с семьей.

– Где живет ее семья?

– Понятия не имею.

– А есть ли у нее братья, сестры?

– Нет... не думаю.

– Вы не думаете?

– Нет. Она бы упомянула о них.

Ибен выпрямилась:

– Чем занималась Луиза до того, как вы с ней встретились?

– Она много путешествовала.

– Где?

– О-о, да просто, по-видимому, рюкзак на плечи и вперед.

Тишина. Ибен не сводит с него глаз. Йоахим хмурит брови. Он и сам понимает, как нелогично звучит то, что он говорит.

Неожиданно пришел его черед сомневаться. Как это, собственно говоря, произошло? Он жил в пансионе, в маленькой комнатке. Он был настолько измотан этой борьбой, продолжавшейся несколько лет до его развода с Эллен. Сложнее и быть не могло. Она саботировала любую его попытку переехать. И еще дети. Дети, которых у них никогда не было, и от которых, как утверждала Эллен, она отказалась из-за него. Она пожертвовала собой, только чтобы он мог спокойно писать. Он был ошеломлен: никогда не думал, что она хотела иметь детей. А теперь она уже была слишком стара для этого. Она бесилась от злости, обвиняла его в том, что он отнял у нее лучшие годы, что уничтожил ее, требовал слишком многого, был настоящим тираном. Мысль о том, что он мог уйти от нее, найти себе женщину помоложе и создать семью, от которой она сама отказалась, привела ее к полному душевному расстройству.

Когда он уходил от нее, было такое чувство, словно он уходил от ребенка: не от взрослой женщины, а от маленькой пятилетней девочки. Малышка, преподающая в Академии изящных искусств. Йоахим попросту не приехал в аэропорт на встречу, о которой они договорились. Они должны были отправиться в Сан-Себастьян на несколько дней. Эту поездку организовала Эллен после грандиозной ссоры. Это должно было быть очередным путешествием, в котором они снова обрели бы друг друга. Таких встреч у них было много. Но на этот раз он не поехал. Заставил ее стоять во втором терминале, не сказав ни слова. Это было жестоко, но он все же выбрал этот вариант. Если бы он появился, чтобы попрощаться с ней, она бы разрыдалась, и тогда он не смог бы оставить ее одну. Поэтому он без предупреждения бросил маленькую девочку.

Он убегал, путешествовал, ездил и ходил под парусом столько, сколько возможно было в пределах Королевства Дания, пока не нашел себе место на Кристиансё. Единственное, что держало его в тонусе, – это возможность писать. Несмотря на всю скромность быта, он обрел невероятную свободу. Он стал писать, как одержимый, как маньяк. Возможно, он несколько злоупотреблял спиртным, полностью изолировал себя, никуда не выходил из пансиона и ни о чем не думал, кроме как о следующей странице.

Но в тот вечер, когда он встретил Луизу, все изменилось. Эта женщина сияла. Он ясно помнил, как стоял посреди кафе и читал вслух то, что написал в тот день, иногда поднимал взгляд и видел ее лицо. Она стояла далеко, возле самой двери в кухню. Ее полностью захватило то, что он читал, и, когда он встретился с ней взглядом, она не отвела от него глаз. Не стала смотреть в сторону. Она была вся совершенно открытая, подумал он тогда. Будто у нее не было никаких шор, будто она смотрела на мир по-новому.

– Итак, вы встретились с Луизой два с половиной года тому назад, и вы не знаете, чем она занималась до этого, и вам ничего не известно о ее отношениях с семьей?

Голос Ибен словно оторвал его от мыслей. Он посмотрел мимо нее, на опущенные жалюзи, надежно защищавшие комнату от солнечного света.

– Да, это можно рассматривать и так, – ответил он. – У меня было такое ощущение, что нам, двоим, дан новый шанс.

– И вы ни о чем ее не расспрашивали? – Вопросы Ибен были так разумны и естественны, что начинали раздражать его.

– Конечно же, я интересовался ее прошлым.

– Но вас не удивляло то, что вы не получали никакого ответа?

Удивляло ли это его? Он действительно расспрашивал ее, будучи любопытным и желая знать все о женщине, которая теперь принадлежала ему. Они лежали совершенно голыми,

прижимаясь друг к другу, в его постели. Он отчетливо помнит: Луиза была такой оживленной. Из-за нее у него перехватывало дыхание. После разрыва с Эллен он считал, что уже никогда больше не сможет быть близким с другим человеком. Интимные отношения были связаны для него с долгом и тяжким бременем. Но именно это с Луизой складывалось совершенно по-другому. Она никогда не расспрашивала его о прошлом. Единственное, к чему она стремилась, была близость, близость с *ним*.

Нет, он не задавал ей много вопросов. Он знал лишь одно: это *его* женщина. Он задавал вопросы, потому что полагал, что следует это делать. Так бывает. Но когда она сказала, что не поддерживает отношений с семьей, он ощутил облегчение. Облегчение – потому, что она не была ничем связана, потому что она оказалась полной противоположностью Эллен.

Он смотрит на Ибен, и теперь на ее лице есть какой-то намек. Сочувствие? Она откашливается.

– Вы хотите узнать о Луизе еще что-нибудь?

Йоахим покорно кивает, при этом ему больше всего хочется крикнуть «нет». Он не хочет копаться в старом белье: мужчине не нужно ничего знать кроме того, что его женщина любит его.

– Луиза Андерсен выросла в детском доме под Раннерсом. Ее мать была наркоманкой, и Луизу отняли у нее, когда она еще была совсем ребенком. Мать умерла, когда девочке было примерно шесть лет, но они никогда не встречались. По-видимому, она об этом так ничего и не узнала. Кто ее отец, неизвестно. Она жила в однокомнатной квартире в Раннерсе до девятнадцати лет. С этого момента у нас очень мало информации о ней в архивах.

– Например?

– Один арест, после которого ее довольно быстро отпустили.

– Арестовали за что?

– На улице Скельбек в Копенгагене, – отвечает ему Ибен, и ей больше ничего не нужно добавлять.

Все копенгагенцы знают, что на улице Скельбек ошиваются проститутки самого низкого пошиба, стоящие на самой низкой ступеньке в своей иерархии, иностранки или наркоманки, сидящие на игле.

– О ней совершенно ничего не известно за эти последние пять лет.

Йоахим опустил взгляд на пол. Такое ощущение, что все в нем налилось свинцом. Луиза? Его Луиза?

– Ничего? – спрашивает он, почти не узнавая свой собственный хриплый голос.

– Да, больше мы ничего не знаем о том, что она все это время делала.

– Но разве можно так просто исчезнуть?

Ибен пожимает плечами:

– Она могла поехать в Гамбург на заработки. Так многие поступают, там больше клиентов. Или в Швецию, но нам об этом ничего не известно.

– Но ведь в наши дни всегда остаются какие-нибудь следы? – возражает Йоахим.

– Вы считаете? – спросила Ибен уже совершенно по-человечески. – Только в две тысячи тринадцатом году в Дании семьсот десять человек исчезли из всех систем. Сорок из них так и не были найдены.

Йоахим встретился с ней взглядом, но тут же был вынужден опустить голову снова. Когда смотришь полицейскому в глаза, от этого правда, которую ты узнал, становится в той или иной степени еще хуже. *Луиза*. Все то, чего он о ней не знает. Почему она ему об этом ничего не рассказывала? Что она скрывает? Нет, он должен собраться с мыслями.

– Послушайте, я видел удостоверение личности Луизы... ее медицинскую страховку. Такие документы, – лепечет он.

– Вы еще что-нибудь видели? Какой-нибудь документ с фотографией?

– У нее есть водительское удостоверение, черт побери, – выходит из себя Йоахим. Это уже становится просто смешно.

– Мы видим, что она получила новое водительское удостоверение здесь, в Рённе. – Ибен перелистывает свои бумаги, довольно театрально, как это показалось Йоахиму. – Предоставив свое свидетельство о рождении.

– И?

– Должно быть, она выкрала удостоверение личности... Луизы Андерсен. Ее сумочку.

– Я вас не понимаю. Что, какая-то другая Луиза Андерсен заявила в полицию о том, что у нее что-то украли?

Ибен резко поворачивается на стуле:

– Вот что в действительности делает этот случай таким сложным, так это утверждение Эдмунда Сёдерберга, что эта женщина – никакая не Луиза, а его жена Елена, пропавшая три года тому назад.

Йоахим ошеломленно уставился на Ибен.

– Я понимаю, что это трудно сразу воспринять, – соглашается она.

Потрескивание лампы дневного света на потолке еще сильнее раздражает Йоахима. Он пытается осмыслить всю эту новую информацию и ничего не может понять.

– Мы ничего точно не знаем, – настойчиво продолжает Ибен.

Йоахим пытается набрать в легкие как можно больше воздуха. Пытается понять то, что он слышит.

– Я выйду ненадолго, хочу узнать, как далеко они продвинулись.

Йоахим остается один слушать потрескивание лампы. Он не имеет совершенно никакого представления, как долго ему пришлось ждать, пока дверь снова открылась.

Ибен снова усаживается в свое кресло.

– Мы бы очень хотели, чтобы вы побеседовали с ней, – говорит она.

– Да, а где она? – поинтересовался Йоахим, поднимаясь.

– Я хочу, чтобы вы понимали, для чего я вас сейчас отведу к ней. Нам нужно, чтобы вы попытались убедить ее рассказать то, что она знает. Сделаете это?

Йоахим продолжает стоять как вкопанный.

– Что вы имеете в виду?

– Мы несколько сомневаемся насчет ее нынешнего состояния.

Йоахим непонимающе смотрит на нее.

– Вполне возможно, что она больна, – поясняет свои слова хозяйка кабинета.

– Больна?

– Мы еще не знаем. Мы вызвали врача из местной больницы, но надеемся, что все может проясниться, когда вы поговорите с ней. Вполне вероятно, она расскажет вам то, что пока скрывает.

– Больна? – не верит своим ушам Йоахим.

– Например, шизофренией, – заявляет Ибен таким тоном, словно это самое обычное заболевание в мире. – Она сейчас немного не в себе, но, возможно, ей пойдет на пользу, если вы с ней поговорите. Не исключено, что вам удастся успокоить ее и уговорить рассказать немного больше.

Больна. Йоахим поднялся, но ему приходится опираться рукой на стул. Кажется, кровь сейчас вырвется наружу из него, как и все остальное, что в нем есть.

– С вами все в порядке?

Внезапно он чувствует себя изнуренным. Абсолютно изнуренным. Неужели все это правда? Он зажмуривается, и на мгновение перед ним предстает Эллен в своей худшей поре, бегущая к нему, словно умалишенная, пытающаяся задушить его, кричащая и рвущая на себе

волосы, угрожающая при этом совершить с собой нечто ужасное. *Только не Луиза.* Йоахим не сможет этого выдержать.

Ибен выводит его из своего кабинета, и они выходят в коридор. «Кабинет для допросов № 2». Она сидит там. Йоахим не знает, чего ему ожидать. Да и вообще, больше не знает ничего.

7

Луиза не пошевелинулась с тех пор, как Мортен Раск вышел. И вот наконец дверь открывается, и в кабинет входит полицейская Ибен, а за ней Йоахим. Он заходит как-то странно, неуверенно садится на стул, стоящий рядом с Луизой, и берет ее ладони в свои. Она хочет выйти, и больше ничего.

– Мы можем остаться наедине?

Ибен задумалась на некоторое время над его просьбой, но потом утвердительно кивнула:

– Я буду прямо за дверью. Позовите меня, если что-нибудь понадобится.

– Мы уже можем уезжать? – спрашивает Луиза, когда они остаются одни.

Она смотрит на него: что это он ее так разглядывает, словно исследует?

– Почему ты так на меня смотришь? Что они там обо мне наговорили?

– Луиза, они просто хотят знать все по этому делу... и я тоже хочу. Ты что-нибудь знаешь? Ты мне что-то не рассказала?

Луиза смотрит в сторону. Ее разбирает злость. Но по большому счету она не имеет права злиться. Ему следует знать это. И она должна была рассказать ему об этом в самом начале. Но как сказать, что ей нечего рассказывать? Как описать словами эту сплошную пустоту? Вот эту кричащую пустоту? Надо ли объяснять, что она осталась совсем одна в этом мире? Никому нет до нее дела, никто не скучает по ней и не нуждается в ней. Она потеряла сознание на пароме по пути на Борнхольм. Пришла в себя. И никому не было до нее дела. Как это можно объяснить?

– Я выросла в детском доме, – говорит она тихо.

– Почему ты мне об этом никогда не рассказывала? – Йоахим выглядит подавленным, задавая ей этот вопрос.

– А зачем я должна была рассказывать? Тогда бы я выглядела такой несчастной в твоих глазах. А мне бы этого не хотелось.

– Ну а что было потом? – продолжает расспрашивать Йоахим.

Голос у него такой добродушный, он разговаривает с ней так, как говорил бы с маленьким ребенком. Это вызывает у нее беспокойство.

– Они говорят, что ты исчезла. Что о тебе ничего не известно с тех пор, как тебе исполнилось девятнадцать лет, и до того момента, когда ты появилась здесь, на Борнхольме. Где ты жила все это время?

Луиза только пожимает плечами и качает головой, крепко стискивает зубы. Видно, как она вся напряглась от подбородка до затылка. Заметно, как у нее замирают спина и руки. И это хорошо, что она заставляет свое тело реагировать. Она может прогнать прочь чувства и мысли, отправить их подальше.

Она ощущает его пристальный взгляд на своем лице. Словно он что-то ищет. Она совсем этого не выносит. Он не должен смотреть на нее таким взглядом. Как будто бы она ему совсем чужая.

– Это я, – тихо говорит Луиза, берет его за руку и шепчет на ухо: – Давай уйдем отсюда.

Она наклоняется к нему и почти касается его лица. Йоахим закрывает глаза, своей кожей она чувствует его дыхание. Она замечает, как они оба успокаиваются. Их тела так

хорошо знают друг друга. Словно так было всегда. С тех пор как они встретились, так это и было, и Луиза знает, что так и должно быть. Так и должно быть, чтобы они оставались вместе.

– Это я, ты же меня знаешь, – снова повторяет она. – Я никогда тебе не лгала, Йоахим. Никогда.

Она целует его, и он не отталкивает ее. На мгновение этот поцелуй показался им таким же, как их первый, хотя тогда все было наоборот: тогда он поцеловал ее, и она ему это позволила. Она уклоняется от него и отодвигается чуть-чуть назад. Их лица все еще находятся так близко, что они ощущают тепло друг друга, но она хочет смотреть ему в лицо. Ей бы хотелось, чтобы и он мог ее видеть.

– Ты должен мне верить, Йоахим, очень важно, чтобы ты мне сейчас верил. Все самое важное в моей жизни случилось, когда мы с тобой уже были вместе. И только это заслуживает внимания. Все то, что произошло раньше, это как туман, как сумерки и... мне безразлично. Мне это совершенно безразлично, ты понимаешь?

Луиза чувствует, что Йоахим сомневается. Теперь он чуть отодвигается назад. Она наклоняется вперед, чтобы приблизиться к нему, но он кладет руку ей на плечо и мягко, но решительно отодвигает назад.

– Но, Луиза, нельзя так просто решить для себя, что прошлое не имеет значения, – возражает он с грустью в голосе. – Ты должна рассказать мне обо всем этом. Я должен знать, что с тобой произошло.

– Зачем?

– Зачем... Да затем, что откуда-то взялся человек, который говорит, что ты вовсе не Луиза. Затем, что полиция заявляет, что ты бесследно исчезла на пятнадцать лет из своей жизни. – Он долго и настойчиво смотрит на нее. – Это кое-что значит. Это кое-что значит для меня, чтобы именно ты рассказала мне, что произошло за это время в твоей жизни. Чтобы ты мне рассказала правду.

– Ты должен мне верить, – говорит она умоляюще. – Ничего кроме тебя и меня не имеет значения.

Она замечает сомнения на его лице. Словно тень упала на его глаза и окутала все его черты. Он берет ее руки в свои, с удивлением смотрит на нее, будто бы совершенно ее не узнает.

– Забери меня отсюда, – просит она, и в ее голосе чувствуется отчаяние.

Он *должен* ей верить. Она поднимается. Они не имеют права задерживать ее здесь. Она ничего плохого не совершила.

– Пойдем! – Луиза берет за ручку двери.

Но дверь заперта снаружи.

– Мы хотим уйти! – кричит она и трижды стучит в дверь.

Полицейская, эта маленькая женщина с кривым носом, появляется в дверях и заходит. Почему она заходит? Потому что Луиза кричала?

– Давайте немножко успокоимся, – говорит она и приближается, широко расставив руки.

Луиза не обращает на нее внимания и пытается проскользнуть мимо. Но Ибен Хансен хватает ее без особой суеты.

– Пустите меня. Вы не имеете никакого права...

Женщина прерывает ее:

– Послушайте, Луиза, здесь нет никого, кто бы желал вам зла.

Луиза смотрит на Йоахима. Шепотом произносит его имя, настойчиво умоляя о помощи. Он ей не верит. Теперь ей это стало заметно: он верит... *им*. При осознании этого в глазах у Луизы все почернело. Она осталась одна. Теперь они все против нее. Все рушится.

Входит еще один полицейский, тот с неприятными, грубыми пальцами. Луиза осознает, что она снова начинает кричать. Она ничего другого не может сделать. Как будто в ней появилось что-то извивающееся и пытается вылезти наружу.

– Йоахим!

Ее внимание привлекает что-то в лице одного из полицейских. Красноватое пятно прямо у него над ртом. И она понимает, что она его ударила или толкнула. Полицейские хватают ее за руки и крепко держат.

– Успокойтесь, – приказывает один из них.

Луиза пытается освободиться от них, но у нее не получается. Они не имеют никакого права так обращаться с ней. Тогда она начинает вырываться с усилием. Это против ее желания, ей меньше всего на свете этого хочется, но она брыкается изо всех сил обеими ногами. Брыкается в сторону Йоахима, чтобы он ее увидел, брыкается в сторону полицейских, потому что они ее не отпускают.

– Ты должен верить мне, Йоахим! – Она видит, как в дверях появляется еще один полицейский.

Он старше тех двоих, их голоса сливаются. Луиза улавливает лишь одно слово: доктор.

8

Нескончаемый поток. Течет совершенно прозрачная вода, вот маленькие камни – это ручеек. Вокруг нее темнота, и все же она видит хвойные деревья, лес и узенькую тропинку. Луиза несколько раз открывает и закрывает глаза, пока сон медленно рассеивается. Где она? Здесь светло, над ней белый потолок. Она поворачивает голову в сторону и видит прямо перед собой широкий подоконник. Тонкие белые гардины наполовину раздвинуты, за окном светит солнце. На подоконнике в белом горшке стоит папоротник с пожелтевшими краями. Она слышит шаги и поворачивается в сторону этого звука. В комнату входит женщина в светло-зеленом халате с короткими рукавами поверх белых брюк.

– Вы уже проснулись? – Женщина улыбается.

Она присаживается на краю кровати возле Луизы, нажимает на какие-то кнопки, и изголовье кровати начинает медленно подниматься. Луиза снова пытается сдвинуться с места, но, против обыкновения, тело не слушается ее. Женщина видит ее потуги.

– Это снотворное, оно еще не отошло до конца. Скоро вам будет лучше, – говорит она и слегка сжимает руку Луизы.

– Где я? – спрашивает Луиза: во рту у нее настолько пересохло, что она с трудом выговаривает слова.

Женщина наливает сок в пластиковый стакан, протягивает его Луизе и не отводит глаз, пока стакан не становится пустым. Малиновый сок, напоминающий вкус детства.

– Вы в больнице. Это психиатрическое отделение в Рёнке. Меня зовут Санне.

Она смотрит пристально. Санне. Луиза знакома с одной Санне, но это не та. Или та? Она снова осматривает эту белую комнату. Такое впечатление, что внутри нее все перевернулось. Она видит, она понимает, но опять же не до конца. Как будто бы она – калейдоскоп, который все время крутится, в котором все фрагменты постоянно меняют свой узор.

– Какой сегодня день? – осторожно интересуется Луиза.

– Все еще вторник. Вы были без памяти всего лишь пару часов. Ваш муж только что ушел. Он сидел все время здесь и держал вас за руку, но доктор полагает, что было бы лучше, если бы вы оставались одна, когда придете в себя.

Луиза смотрит куда-то вверх и думает. Вернее, пытается думать. Ее муж. Что-то постоянно преследует ее и грозит морально уничтожить. Она с трудом прячет руки под пуховое одеяло, пододеяльник на котором такой накрахмаленный и белый.

– Мне так холодно, – жалуется она.

– Это просто из-за лекарства, – успокаивает ее Санне и натягивает ей одеяло под самый подбородок, укутывая плотнее. – Он оставил вам записку.

Она берет ее с тумбочки, что стоит у самого изголовья, и протягивает Луизе.

– Положите ее, – еле слышный шепот. – Я прочитаю позже.

Когда она приходит в себя в следующий раз, в проеме двери стоит высокая крупная женщина с темными волосами. Она подходит к кровати и протягивает Луизе руку, но та не в силах даже пошевелиться. Женщина невозмутимо присаживается.

– Я – главврач. Меня зовут Анна Понтоппидан, – представляется женщина, внимательно разглядывая Луизу. И выжидает. Чего выжидает? – Вы знаете, где вы находитесь? – наконец спрашивает она после долгой паузы.

– Медсестра сообщила мне, что я в больнице Рённе, – поспешно отвечает Луиза.

– Вы можете сказать, как вас зовут?

– Луиза Андерсен.

– А знаете ли вы, почему здесь находитесь?

– Нет. Впрочем, я помню, что мне сделали инъекцию успокоительного, но я не понимаю для чего. Я вообще не понимаю, что происходит сегодня.

– Из истории болезни мы узнали о потере вами сознания на пароме, которое произошло три года тому назад. Вы тогда очень сильно ударились головой. Несколько дней вы оставались под наблюдением врачей, но скоро поправились. Тогда ваше состояние не вызывало беспокойства. Тогда ничего не вызывало подозрения в серьезности травмы. Вначале у вас было небольшое помутнение рассудка, и пришлось вам напомнить, кто вы и где вы. Но как видно по истории болезни, вы быстро пришли в себя. Поэтому ничто не препятствовало вашей выписке. В тот раз.

Анна смотрит на нее серьезным взглядом. Словно подчеркивает то, что Луиза уже поняла. Сейчас все иначе.

Мысли Луизы полетели в прошлое, в тот период, когда она оказалась на больничной койке. Та же самая больница, такая же белая накрахмаленная постель, те же неприятные ощущения. Она вспоминает свое состояние, когда до нее дошло, что она осталась одна-одинешенька. Вспоминает ощущение отрыва от остального мира, пустоту. Она в основном могла все делать сама. Могла принимать пищу, не роняя ее по пути, самостоятельно ходить в туалет, могла читать газету и делать вид, что в ней идет речь о том, что ее касалось. Рассуждать с ними о погоде. Отвечать на интересующие их вопросы. Но внутри нее была настоящая пропасть, в которой она билась, будучи не в состоянии найти выход. Тогда ее выписали через два-три дня.

Но сейчас... Ей достаточно было лишь взглянуть на доктора. Теперь Луиза не могла притворяться, что пустоты не существует. Даже перед самой собой. Она вздыхает; должно быть, доктор воспринимает это как признак того, что Луиза снова в состоянии слушать, и опять начинает говорить:

– Мы проводим обследование на наличие у вас заболевания, которое мы называем психогенной амнезией или ретроградной амнезией. Это утрата памяти, спровоцированная психическими причинами. Это могли быть травмы, экстремально эмоциональное состояние. Вовсе необязательно, чтобы проявлялись какие-либо физические симптомы, поэтому такое состояние трудно выявить. Как правило, оно сопровождается тяжелой депрессией, но не всегда. Это такая утрата памяти, которая направлена на личность. Человек забывает все, что до этого с ним происходило. В большинстве случаев такое состояние длится лишь несколько часов или дней, и, как правило, это замечают родственники, и они сообщают о таком состоянии в медицинские учреждения. Но в некоторых случаях бывает так, что рядом с этим

человеком нет того, кто бы заметил, что с ним происходит. Есть множество примеров таких «бродяг». Вероятно, вы о них знаете из средств массовой информации?

Доктор вопросительно смотрит на Луизу, но та лишь качает головой.

– Я могу привести один пример, – продолжает Анна Понтоппидан и слегка отклоняется на спинку стула. – Однажды к сотруднику станции лондонского метро подошла женщина и обратилась за помощью. Она не имела ни малейшего понятия, кто она и куда ей нужно ехать. Попытались выяснить ее личность, показав ее фотографию по общенациональному телеканалу, но никто не откликнулся. Ее тщательно обследовали. Не обнаружили никаких физических проблем... И с психиатрической стороны тоже ничего не определили. Попытались даже расспросить ее саму под определенным видом наркоза или под гипнозом. Это очень спорный метод, но иногда он может приносить результаты. Но она все равно не смогла ничего вспомнить. В остальном у нее не было никаких проблем, и в конце концов ее выписали. Но все же год спустя ее семья в США сделала заявление в британскую полицию о ее пропаже. Оказалось, что ни с того ни с сего она ушла из дома и села на самолет, летевший в Англию. Это оказалось связано с серьезным кризисом в ее браке. Когда семья нашла ее и она получила всю информацию о себе, большая часть ее памяти восстановилась.

Доктор Понтоппидан смотрит на нее. Луиза пытается понять, какое отношение она может иметь к этой невероятной истории.

– А если она бежала от своих проблем... – Луиза запинаясь, пытаясь подыскать подходящие слова. – Не могло ли быть так, что она вовсе не хотела, чтобы ее нашли? Может быть, она просто притворялась, что ничего не помнила?

– Ну, не исключена и такая вероятность. Наверняка существуют примеры, когда люди прикидываются, что ничего не помнят, только для того, чтобы убежать от неприятностей. Но существуют тесты, которые могут это выявить. Тщательные обследования... и мы хотим, чтобы вы прошли их.

– Мне снова сделают наркоз? – спрашивает Луиза и чувствует, как все в ней цепенеет.

– Нет, вы только успокойтесь. Как уже было сказано, это очень спорный метод – что-то вроде гипноза. Но мы в Дании его не применяем. Проблема с гипнозом... Видите ли, есть большой риск, что сами вопросы могут порождать новые воспоминания, а это совершенно не та истина, до которой желательно докопаться.

Доктор ненадолго замолкает, но потом продолжает:

– В обследовании, которое вы пройдете, нет ничего необычного. Это всего лишь беседы и тесты, которые покажут нам, какая часть вашей памяти пострадала. Это тестирование вашей опорно-двигательной системы и сканирование. Мы просто определим, как сейчас работает ваш мозг. Это позволит нам лучше понять, что же с вами произошло. Да и вам самой это станет понятнее.

Луиза закрывает глаза, все перед ней погружается в темноту, у нее начинается головокружение, и она снова открывает их. Понять саму себя? Она посматривает в окно, на гардины, на папоротник. Кому-нибудь следовало бы его полить. Она опять закрывает глаза и видит перед собой фотографию, которую ей показали в отделении полиции. Женщина в светлом платье с тщательно уложенными волосами. С кольцами на пальцах. Большой камень бирюзы, узкое золотое кольцо. Это было обручальное кольцо. Все крутится перед ней, ее затягивает куда-то вниз, и она крепко сжимает кулаками пуховое одеяло.

– А есть другие? – чуть слышно спрашивает Луиза.

– Что другие?

– Другие примеры.

Анна задумчиво кивает и, немного помедлив, начинает рассказывать:

– Могут быть и физические причины, нарушающие память. Один пожилой мужчина упал и повредил правую сторону тела. Когда он очнулся, вся его правая сторона почти не дви-

гальса и он полностью забыл всю свою биографию. Его родственники были убеждены, что речь идет о физической патологии, и долго отказывались поверить в то, что это была реакция на психическое расстройство. Мужчина учился узнавать свою жену и детей, но память так и не возвращалась к нему. Лишь спустя несколько недель врачам удалось убедить его жену, что на его состояние могло повлиять какое-то событие в прошлом. И тогда она вспомнила, что в детстве у него было много проблем, и рассказала о серьезных неприятностях на работе, незадолго перед утратой им памяти. Когда мужчина узнал о том, что с ним произошло, память вернулась к нему, – заканчивает Анна.

* * *

Луиза устала на дверь, которую доктор бросила открытой, когда выходила из палаты. *Закрытая дверь*. Она не знала, что можно так сильно тосковать по закрытой двери. По месту, где можно побыть в полном одиночестве. Она снова укладывается на подушку и тут же вспоминает о записке. Он оставил ей свой привет. Она очень сильно скучает по Йоахиму. Он нужен ей сейчас больше, чем когда-либо. Сейчас ее тело стало чуть легче подчиняться командам мозга – она протягивает руку к маленькой тумбочке у изголовья ее кровати и берет бумажку. Обессиленная, она снова ложится и начинает читать: «Я думаю о тебе днем и ночью. Ты постоянно со мной. Ты не одна. Я люблю тебя». Луиза перечитывает ее несколько раз и ощущает, как тепло растекается у нее по телу. Как ей нужны эти слова! Но буквы... Эти продолговатые арки. Большие буквы «Т», которые тянутся над другими буквами. Это Йоахим так пишет? Она снова смотрит на подпись. Вензель под словами. Привычный росчерк пера сделан с таким автоматизмом, что прочитать его невозможно. Она не узнает его подпись. Как бы долго она ни рассматривала, она не находит буквы «Й» в этих каракулях. И она бросает листок. Резко швыряет, словно он обжег ее. Там есть «Э». Большая закрученная «Э». «*Твой муж*». Как сказала медсестра: «*Ваш муж оставил записку*».

Луиза поспешно делает вдох. Он написал эту записку. Тот мужчина. Эдмунд. Она вспоминает его. «Елена, Елена!» – кричал он несколько раз. Это он был здесь... Сидел рядом в то время, как она лежала совсем без сознания. Держал ее за руку? Луиза садится, во всяком случае, пытается сесть.

У нее возникло сильное желание закричать, позвать Йоахима, чтобы он забрал ее отсюда. Левой рукой она скатывает записку в шарик и швыряет в сторону двери.

9

Йоахим ходит кругами по кухне. Возвращение из Рённе на Кристиансё без Луизы было ужасным. Во время поездки по острову он не мог думать ни о чем другом, кроме как о ней. Как это было невыносимо – присутствовать при ее нервном срыве в полицейском участке и при ее госпитализации. Йоахим ехал за автомобилем скорой помощи в своем «вольво», но Луизе уже дали успокоительное, когда его впустили в маленькое психиатрическое отделение в больнице Рённе. Главный врач, Анна Понтоппидан, рекомендовала Йоахиму съездить на пару часов домой, чтобы привезти кое-какие вещи Луизы. Какую-нибудь одежду. Та, что была на ней, порвалась во время драки с полицейскими.

Йоахим садится на Луизин стул, смотрит на кухонный шкаф бирюзового цвета, один из предметов старой деревянной мебели, который она покрасила еще до того, как он переехал к ней жить. Она привела в порядок всю квартиру. Стены выкрасила в белый цвет, подобрала легкие светлые гардины, тряпичные коврики приглушенного синего и зеленого оттенков. Одни и те же краски повсюду: цвета неба, моря и водорослей. Когда Йоахим поселился здесь, у него не было никакого желания что-либо менять. Он привез свой компьютер и свои книги –

и больше ничего. Маленький кабинет – единственное место, где ощущается его присутствие в доме. Комната, полная разочарований, в которой он боролся... и проигрывал. Домом он называет остальную часть квартиры: кухню, спальню, маленькую гостиную. Никогда он не чувствовал себя так уютно, как здесь. Вместе с Луизой. Он был здесь счастлив.

Елена?

Йоахим встает. Елена. Его Луиза, такая живая и сияющая, неужели в действительности она является другим человеком? Доктор пока еще ничего не говорит, но вот полиция, похоже, совершенно уверена, что Эдмунд Сёдерберг прав, когда утверждает, что Луиза – это его пропавшая жена Елена.

Он снова заходит в спальню. Зачем это он здесь стоит? Ах да, зашел взять какую-нибудь одежду для нее. Его терзает само имя *Елена*. Оно взято из греческой мифологии, вот пусть оно там и остается, ему нечего делать на Кристиансё. Прекрасная Елена. Бог Зевс принял обличие лебедя, от него-то и забеременела Леда. После чего Елена появилась из яйца, прекрасная и белая, словно лебедь. Самая красивая из всех женщин. Она была столь замечательной, что все мужчины сходили от нее с ума, все они хотели обладать ею: и Одиссей, и Йоахим, и этот Эдмунд. Нет, он что-то путает.

Садится. Почесывает затылок и думает о греческом мифе: сейчас проще думать о нем, чем о реальности. Для того чтобы все претенденты на ее руку не поубивали друг друга, там договорились о том, что отец Елены – нет, не бог, а простой смертный, который выступал в роли ее отца и должен был ее воспитывать (боги таким не занимались), – он-то и должен был решить, кому она достанется. Как только такое решение было принято, все остальные претенденты обязались уважать право избранного взять ее себе в жены. Все до одного. Одиссей был одним из претендентов. Он тоже согласился с этим условием, но позже попытался уклониться от его соблюдения. Прикинулся помешанным, но его разоблачили. Волей-неволей ему пришлось подтвердить Менелая, царю Спарты, что тот может жениться на Елене. И тут бы это все могло закончиться миром и согласием, ведь Одиссей женился на другой. На Пенелопе. Но скандал из-за Елены вовсе не утих. Ее красота стала причиной войны. Три прекраснейшие богини – Афродита, Гера и Афина – не смогли решить, кто из них троих самая красивая. Они пригласили сына царя Трои, Париса, в качестве судьи. Каждая из них предложила ему награду за разрешение этого спора: Гера пообещала власть, Афина – мудрость, а Афродита – любовь. Парис отдал первенство Афродите, и в качестве награды та влюбила в него Елену. Это положило начало многолетней войне между Спартой и Троей. Троянская война потом вынудила Одиссея отправиться в долгое путешествие. Его путь домой длился десять долгих лет, полных опасностей.

Йоахим глубоко вздыхает: короткое мысленное путешествие в греческую мифологию не улучшило его настроения. Он оглядывается вокруг себя, пытаясь что-то найти. Какой-нибудь знак, след. Что-либо, что могло бы пролить свет на женщину, которую, как он считал, он знает. Была ли она действительно замужем, была ли женой другого мужчины? Эдмунда Сёдерберга? В это невозможно поверить. Но таким человеком должен был быть именно он, настолько близкий к образу Менелая, насколько это возможно в современной Дании. Богатый и могущественный, словно царь. Кем же тогда является сам Йоахим? Парисом, похитившим ее у царя? Нет. Он скорее похож на Одиссея, уставшего, бегущего от войны, которой он никогда не хотел, пребывающего в долгом и мучительном путешествии, которому не видно конца и края. Где же тогда его дом, если этот дом не его?

Он вновь заходит в спальню. Этого не может быть. Что-то здесь не так... Он опять идет по кругу. Осматривает каждую вещицу, всю мебель. Все вещи в квартире выбирала она, решая, что где должно находиться. Он почти ничего о ней не знает, это действительно так. Но сейчас все перед ним. Если она является другой женщиной, то этому должно быть свидетельство, и оно должно находиться здесь.

– Ну, вперед, Йоахим, – шепчет он сам себе.

Он начинает со спальни. Вытаскивает все ящики из комода, открывает все дверцы, переворачивает все на полках. Одежда, парфюмерия, украшения, кремы. Это все он видел. Одежда самая обычная. Мягкая ткань, те же цвета, что и у мебели в их квартире: синий, зеленый и нечто среднее между ними. А вот с украшениями все совсем по-другому. Они крупные, и многие из них золотые. Бряцающие браслеты, длинные цепочки, роскошные сережки. Он зажмуривает глаза и представляет себе ее. Она так не похожа на всех этих благоразумных женщин с практичными прическами, которые ходят в брюках! Он знает, что она никогда не тратит слишком много денег на одежду. Ей это не по карману: кафе приносит сейчас слишком мало денег. Она покупает вещи только в секонд-хендах, и все это ничего особенного собой не представляет. Но когда она все это надевает вместе...

В спальне он так ничего и не находит. Ничего из того, о чем бы он не знал ранее. Его разбирает досада, что ему пришлось сидеть в отделении полиции, и особенно в этом неприятном кабинете Ибен Хансен Хансен, до того как он осознал, что он так мало знает о женщине, с которой живет более двух лет. Как он мог ничего не замечать? Этого он и сам теперь не может понять. Подумать только, ему действительно настолько хотелось забыть все, что было в прошлом. Развод с Эллен. Война с ней, от которой он бежал. Вероятно, он пострадал больше, чем ему казалось. А Луиза-Елена? Она-то от чего бежала? Доктор говорила, что утрата памяти такого рода может случаться, если происходит что-то такое ужасное, чего нельзя осмыслить. Такое, о чем не хочется знать, что не хочется воспринимать. Что она пережила? Что скрывается в ее прошлом?

Йоахим продолжает поиски. Он уже осмотрел все ящики и шкафы в кухне, в комнате. Перевернул все вверх дном, но ничего не нашел. Не в силах успокоиться, он ходит из комнаты в комнату. Долго стоит, опустив руки. В голове роится множество мыслей, которые он не может привести в порядок. Она ведь была здесь. Они же жили вместе. Неужели бы он не заметил, если бы она что-нибудь от него скрывала? Показывала ли ему Луиза что-либо из своего прошлого? Какую-нибудь фотографию, письмо, дневник? Нет... Да, как же! Он вспоминает старый рюкзак, о котором как-то высказался с насмешкой. Она сказала, что это тот самый, с которым она приехала на остров Борнхольм. Чего он тогда над ним насмеялся? Потому что он абсолютно не соответствовал ее стилю. Это был изношенный холщовый рюкзак, немного напоминавший армейский ранец. Какого он был цвета? Серого?

Йоахим открывает люк, ведущий на чердак. Его нога никогда не ступала по этому старому чердаку. Откидная лестница оказалась в плохом состоянии, петли – ржавыми, но все же ему удалось подняться на несколько ступенек. Под старой шиферной крышей было душно, как в сауне. Там были старые стулья, наверное, еще семидесятых годов. Оранжевые и коричневые. Интересно, о чем тогда думали? Йоахим вытряхивает содержимое двух коробок на пол. Одежда. Это ее вещи? Он просматривает карманы. Во второй коробке находит этот рюкзак, но в нем пусто, за исключением старой подставки для бокалов, какие бармены ставят под рюмку или пивную кружку.

– Двойная неудача, – сам себе шепчет Йоахим, когда уже спустился по лестнице. – Ничего не нашел и ничего не понял.

Начинает исследовать рюкзак. Дно практически... что? Проржавело? Материя ни в коем случае не проржавевает? Тем не менее, после того как он дотронулся до нее, на руке появился тонкий слой металлической пыли. Должно быть, эта сумка оказалась в... ну, скажем, в воде с ржавчиной.

Йоахим рассматривает выцветшую рекламу на подставке для бокалов. «Кампари». Картонная поверхность забрызгана какими-то пятнами. Возможно, это от «Кампари» с содовой. Неужели такое пили год назад? На обратной стороне записан чей-то номер телефона. 91880119. Может быть, это что-то другое? Дата... нет. Код... тоже нет... Это какой-то теле-

фонный номер, написанный черной шариковой ручкой поспешно и немного неряшливо, но, без сомнения, это цифры телефонного номера. Йоахим достает свой мобильный телефон и гуглит номер по «Желтым страницам». «К сожалению, нет результатов по заданному вами поиску телефонного номера». И далее следует: «Возможно, это сим-карточка, или телефонный номер засекречен, или номер не обслуживается».

– Вот черт!

Йоахим поспешно набирает номер на своем мобильнике и с нетерпением ждет соединения с абонентом.

– Петер слушает, – говорит чей-то голос на другом конце провода. Голос молодой, его обладателю, вероятно, чуть больше двадцати. В трубке также слышится шум нескольких голосов.

– С кем... с кем я разговариваю?

– Вы дозвонились в подвал. Кто, собственно, вам нужен?

Йоахим задумался. Подвал. Что, черт возьми, это может значить?

– Луиза Андерсен, – выпалил он поспешно.

– Луиза... Не думаю, что у нас здесь есть какая-нибудь Луиза. Вы из новой группы ревизоров? – задает вопрос Петер.

Назвать свое имя? А если притвориться?

– Послушайте, Петер, – говорит Йоахим. – Меня зовут Йоахим. Я веду расследование по делу о пропавшей женщине. Луизе Андерсен. Ваш номер я нашел среди прочих ее записей.

– Что? Я понятия об этом не имею, – слишком торопливо, как показалось Йоахиму, отзывается Петер.

– Я сейчас даю вам шанс помочь мне, прежде чем информация дойдет до полиции, – заявляет ему Йоахим.

– Полиции? О чем вы говорите? Кто вы такой?

– Я же уже сказал. Меня зовут Йоахим. Ваш номер найден в ее записях.

– Я ее не знаю. Как вы сказали? Луиза? Не та ли это с этажа начальства, которую уволили?

– Возможно, – подыгрывает Йоахим и думает, как бы ему выудить побольше сведений из Петера. – Вы ее знали?

– Нет, – отвечает Петер с сомнением в голосе. – Мы с ней ушли вместе в прошлом году, после того, как утвердили государственный бюджет. – Но таких же была половина министерства, – продолжает Петер и добавляет: – Это же просто смехотворно.

– И она тоже работала в... Министерстве финансов? – изумляется Йоахим, пытаясь выиграть время и подыскивая вопрос, который помог бы пролить свет на все это.

– В Министерстве финансов? Нет. В Министерстве социального развития. Скажите, пожалуйста, вы вообще уверены, что набрали правильный номер? Я о ней ничего не знаю. Не звоните сюда больше, – говорит Петер, но не кладет трубку.

– А как насчет Елены Сёдерберг? Это имя вам о чем-нибудь говорит? – спрашивает Йоахим.

До него доносится звук. Звук из пустоты. Петер все-таки выключил телефон. Йоахим стоит с мобильным в одной руке и с подставкой для бокалов в другой. Смешно. Дурацкая подставка с номером телефона какого-то Петера из Министерства социального развития. Что это может означать? Неблагополучные дети, идентификационные коды, этими ведь вопросами занимаются в Министерстве социального развития? И, вероятно, статистикой.

Он прекращает об этом думать и идет в спальню, садится на кровать и выглядывает в окно. Море спокойное. Почти недвижимое. Послеобеденное небо насыщенно-синего цвета. Лето властвует здесь надо всем. Йоахим соскучился по ветру, по непогоде. Шторм. Гроза.

Все что угодно, только не то, что так далеко от его состояния души. Он один, без Луизы. Без какого-либо понятия о том, что сейчас происходит с ней. Вернее с ними.

10

В самолете, летящем в Копенгаген, Луиза сидит возле Йоахима. Они направляются в Королевский госпиталь, где она должна пройти все обследования, какие только могут быть. Эдмунду очень хотелось бы поехать вместе с ней – он сказал об этом, когда снова приходил проведать ее в больницу. Но Луиза была уже в сознании и отказала ему.

Прямо за ними сидит офицер полиции Мортен Раск. Луиза очень устала, но она не облокачивается о спинку кресла. Ей не хочется приближаться к полицейскому. Она и так все время видит его руки перед собой, как он нервно барабанит пальцами по столу во время допроса. Его грубую кожу на толстых пальцах. Она испытывает к нему чувство отвращения. А он, со своей стороны, и не пытается скрыть своей убежденности в том, что она лжет. Пропала женщина, может быть даже две, теперь этим делом занимается полиция; так они сказали Йоахиму, когда тот протестовал против ее поездки в Копенгаген. Йоахим держит ее за руку. Она ощущает тепло, исходящее от него и растекающееся по ее слишком тонкой коже. Это ощущение у нее появилось с того момента, когда ей давали успокоительное? Или это из-за шока она стала постоянно чувствовать, что ее морозит?

Они приземляются в Каструпе¹. Полицейский идет рядом с ними, указывая дорогу к парковке такси, подходит к машине и открывает для них заднюю дверцу. Сам он садится на место пассажира возле водителя и просит таксиста отвезти их в Королевский госпиталь.

* * *

Лаборатория, в которой берут кровь для анализа, находится на первом этаже. Эдмунд, к сожалению, тоже здесь, заметила Луиза, посмотрев мельком в сторону коридора. Он разговаривает с одним из работников госпиталя. Возможно, это психиатр. Луизе видно, с каким уважением здешние врачи разговаривают с Эдмундом. Как, впрочем, и полицейские на Борнхольме. Йоахим крепко сжимает ее руку.

– Елена, – обращается к ней Эдмунд, нежно глядя на нее.

Луиза отворачивается.

– Может быть, сначала посмотрим на результаты обследования? – говорит Йоахим Эдмунду.

– Естественно. – Эдмунд невозмутим. – Я как раз привез пробы крови наших детей.

Детей. Луиза снова задумывается о той фотографии. На снимке двое детей: пухленькая маленькая девочка и мальчик постарше, отвернувшийся в сторону. Кровь бьет в виски, она прикладывает руку к голове, пытаясь остановить это пульсирование.

– С тобой все в порядке? – слышится ей голос Йоахима.

Луиза замечает, что все вокруг смотрят на нее. Она закрывает рот – оказывается, она даже не заметила, что стоит с раскрытым ртом. Появился еще один доктор.

– Дети? – спрашивает она, заикаясь.

– София и Кристиан, – настойчиво заявляет Эдмунд. – Ты разве не помнишь...

Доктор по-дружески берет Эдмунда за руку и останавливает его, чтобы тот не продолжал.

¹ Каструп – аэропорт Копенгагена.

– Я сожалею. Мне казалось, что вас проинформировали. Да, есть двое детей, мы должны также исследовать их ДНК. А пока ничего окончательно не установлено, – это уже Луизе и Йоахиму.

– Вот именно, ничто не установлено, – повторяет за ним Йоахим. – И полагаю, было бы правильным, если бы вы это приняли во внимание. Этот человек обязательно должен здесь находиться? Неужели мы не можем немного поберечь нервы Луизы? Думаю, за последние дни было и так много неподтвержденных слов.

Эдмунд снова делает шаг вперед и протягивает руки. На нем новый темно-синий костюм, подчеркивающий его солидность.

Луиза пытается успокоить дыхание. Двое детей. Темноволосый солидный муж и двое детей.

– Сейчас мы перейдем к обследованию, – спокойным голосом сообщает доктор.

Должно быть, он уже привык к подобному. Дела по установлению родственных связей, незаконнорожденные дети, предъявляющие свои права на имущество умершего родителя, – именно здесь все становится окончательно ясно, здесь делают анализы крови, пока не приходят к какому-либо заключению, пока не выяснят, кто чей ребенок.

Доктор успокаивающе поднимает руку, но ему не удастся скрыть тревогу. Он любезно предлагает Эдмунду пройти с женщиной в белом халате, которая все это время стояла, как безмолвный свидетель, и широко раскрытыми глазами наблюдала за происходящим. Луиза терпеть не может этих анонимных свидетелей. Почему случайные люди должны ее здесь видеть, в такой одежде и в таком расстроенном состоянии?

* * *

Луизу сканируют. Она лежит в узкой белой трубе, освещенная яркими лампами, а врачи пытаются обнаружить какое-нибудь старое увечье после удара. Того самого удара, о котором рассказывала главный врач из Рённе?

Да, такое может быть. Она допускает. Доктора не могут сказать, откуда взялся удар. Эдмунд рассказывал им, как она уходила кататься верхом в тот последний вечер, когда исчезла. И как он нашел лошадь и защитный шлем Елены, но не ее саму. Доктора не могут сказать, связана ли травма с тем, что она упала с лошади. Говорят только, что она была серьезной.

– Серьезной? – переспрашивает Луиза, ожидая дальнейших пояснений.

– Потенциально фатальной, – следует мрачный ответ.

Ей предоставляют в госпитале одноместную палату. Она принимает таблетку и получает разрешение отдохнуть, пока консилиум будет анализировать результаты всех обследований, которые она прошла. И пока врачей нет, как утверждает Йоахим, ему позволили ждать результаты вместе с ней. Он сидит на стуле возле ее кровати. Луиза просит его задернуть шторы и выключить свет. Она очень быстро устает, даже после лекарства. И у нее такое ощущение, словно она живет в колоколе, набат которого отзывается в ее голове, и скрыться от него невозможно. У нее нет сил ни на вопросы, ни на ответы. Она тут же засыпает. А когда просыпается, на улице уже начинает смеркаться. Йоахим сидит рядом, на стуле, и спит со слегка приоткрытым ртом, уронив голову на грудь.

Она поворачивается на бок, чтобы лучше его видеть, и лежит не шевелясь, опасаясь потревожить его сон. Кожа на его лице вся в морщинах – она огрубела от непогоды. Он прожил непростую жизнь, и это не прошло бесследно. В то же время в его морщинках есть нечто обезоруживающее. Интересно, как он выглядел, когда был маленьким мальчиком? Этот вопрос пронзает Луизу, словно жало. Они выясняют, есть ли у нее дети. Но... разве

женщина может забыть, что у нее есть дети? Да нет же. А значит, она вовсе не эта... не Елена. Женщина не может забыть своих детей.

Когда наконец-то за ними послали, Луизе кажется, что все-таки время летит слишком быстро. Ей и хочется, и не хочется узнать результат. Их приводят в кабинет главного врача. У него угловой кабинет, где есть овальный стол для совещаний, письменный стол в самом конце и, кроме того, мягкий уголок. Полицейский садится с того края овального стола, на котором лежит стопка бумаг. Луиза пристраивается с противоположного края, спиной к письменному столу и при этом лицом к двери и окнам. Йоахим – рядом с ней.

Появляется Эдмунд. Его персона занимает много места, он очень важный, важнее, чем доктор. Неужели важнее, чем Йоахим?

Наконец доктор откашливается и смотрит прямо на Луизу.

– У нас нет сомнений относительно результатов анализов, – тихо говорит он, словно ему стыдно за полученный результат.

Луиза тоже смотрит на него все время, пока он рассказывает об анализах ДНК и минимальной статистической вероятности их ошибки.

Луиза всего этого не слушает: ее интересует только заключение.

Она – Елена Сёдерберг.

Женщина, пропавшая три года тому назад.

Луиза. Елена. Она сидит на стуле и чувствует свои ступни, упирающиеся в пол, бедра на сиденье, плечи, вдавившиеся в спинку стула, руку, лежащую в ладони Йоахима. И тем не менее такое впечатление, что она исчезла. Где-то парит. Просто растворилась. Елена. Луиза. То, что они ей рассказывают, означает, что она ничего о себе не знает.

Она сидит не двигаясь. Молчит. Она не убирает руки из ладони Йоахима, но, даже присутствуя там, она исчезает. Перестает существовать. Луиза. Елена. Йоахим. Эдмунд. Йоахим и Луиза. Елена и Эдмунд. София и Кристиан. Дети. Ее дети.

Она не одинока в этом мире. Не все так, как ей казалось. Она не оторвана от мира. Не воспитывалась в детском доме. Кто-то по ней скучал, тосковал, искал ее. Она их просто забыла. Забыла. А они ее помнят.

11

Место выбирал именно Йоахим, но теперь он жалеет об этом. Смотрит на Луизу... нет, на Елену. Она сидит перед ним бледная и измученная. Ресторан называется «The Real Chinese»², и они чувствуют себя совершенно не в своей тарелке, молча сидя среди людей, сделавших самую головокружительную карьеру в этом мегаполисе. Йоахим просматривает меню, его взгляд задерживается на слове «Real». *Настоящий*. Настоящее имя Луизы – Елена. Последние несколько дней они только об этом и думали. Лечение Луизы, нет, опять неправильно, Елены у самых лучших психиатров страны. Они настойчиво пытались вытянуть какие-либо отрывки воспоминаний о темной стороне ее жизни. Безуспешно. Но картины, фотографии, а также видеозаписи с ней самой переубедили ее. И переубедили Йоахима. Они проходили обследование в специализированной клинике при Королевском госпитале, в старом сером здании, прямо возле Института Нильса Бора, в одном из немногих красивых отделений этой громадной больницы. Йоахиму все-таки хотелось, чтобы она была жертвой какого угодно недуга, возможного в данной ситуации, но только не ретроградной или психогенной амнезии.

Но больше не остается никаких сомнений. Хотя доктор из Королевского госпиталя сказал это еще пару дней назад, истину было трудно принять. Особенно Елене – ей хотелось

² *The Real Chinese* (англ.) – «Настоящий китайский».

бежать, она умоляла Йоахима забрать ее отсюда. Но он противился: все же следует придерживаться здравого смысла. Снова и снова он уговаривал ее, что они должны быть благоразумными.

Именно она и предложила сходить куда-либо вечером. Поговорить в тихом и спокойном местечке. Но сейчас она молчит и избегает его взгляда. Йоахим нервно теребит палочки для еды, лежащие на столе, и нетерпеливо выискивает взглядом официанта. Ни один из них не знает, как начать разговор, ради которого они пришли. Что им теперь делать? У нее есть дети – и это все меняет. Йоахим так и не может себе представить, что это должно для нее означать. Для *Елены*. Интересно, она теперь будет пользоваться этим именем? Он вполне может привыкнуть к тому, чтобы называть ее так, он уже убедил себя в этом. Он может также привыкнуть к мысли о детях. Эти вопросы все время крутились у него в голове, пока она проходила обследование и ее осматривали психиатры и невропатологи.

Он представлял себе все это по-другому. Рассчитывал, что вечером наконец-то закончится тот кошмар, в котором она оказалась. Вернее *они* оказались. Наступит вечер, когда они смогут вырваться из всего этого. Практически как будто бы они уехали отсюда вместе. Это бы помогло. На какой-то миг он смотрит на них со стороны, как они выглядят в глазах других гостей. Бледные, подавленные, молчаливые. Он должен что-нибудь сказать. Нельзя же сидеть так, не говоря ни слова друг другу. Он должен, черт побери, придумать, как поговорить с женщиной, которую так сильно любит. Задать какой-нибудь вопрос. Обыкновенный вопрос, разве это может быть тяжело? Возможно, что-нибудь о другой женщине... о той, которую теперь разыскивает полиция. О настоящей Луизе Андерсен.

– Я нашел в твоём рюкзаке подставку для бокалов, – начинает разговор Йоахим.

– Подставку для бокалов?

– На ней был какой-то номер, – продолжает он и рассказывает о Петере из Министерства социального развития. Об их телефонном разговоре.

Он пристально смотрит на нее, пока перечисляет все то, чем там занимаются: социально неблагополучными гражданами, статистикой практически всего того, что есть в Дании. Но ни одно произнесенное им слово не пробуждает в ней каких бы то ни было эмоций, воспоминаний. Следует сказать, что он уже сообщил полиции о Петере из этого министерства, но они не установили какой-либо связи между этой подставкой для бокалов, Еленой и Луизой.

– Тебя сегодня допрашивали? – задает он ей очередной вопрос, почти не узнавая своего голоса.

Он кладет ладонь ей на руку, но она резко выдергивает ее и вообще убирает руки со стола, кладет их на колени. Йоахим понимает: с ней что-то не так. Что-то совершенно не так.

– О чем они тебя спрашивали? – настойчиво интересуется он после того, как она не ответила на первый вопрос.

– Они снова и снова расспрашивали меня о Луизе Андерсен, – вздыхает она. – Они совершенно уверены в том, что я все-таки должна что-нибудь помнить. Врачи утверждают, что память еще может ко мне вернуться. Но полицейские допрашивают так, словно полностью уверены, что я им все еще лгу.

– А они сами узнали еще что-нибудь о ней?

– Нет. Любые ее следы исчезли, когда она убежала из той квартиры в Раннерсе. За исключением одного обыкновенного, короткого ареста, а потом – ничего до того самого момента, когда я сошла с парома в Рённе с ее рюкзаком.

– Рюкзак весь в ржавчине.

– Что?

– Ничего, – говорит ей Йоахим и пожимает плечами. – У него все дно было в ржавчине. Она улыбается и качает головой:

- Вечно ты со своими подробностями.
- Рассказ и заключается в подробностях.
- Как и дьявол.

На мгновение кажется, что они все те же Луиза и Йоахим. Как это было до всего того, что произошло. Должно быть, она тоже это замечает? И поэтому она немножко откидывается назад?

- И тогда тебя положили в больницу? Там, в Рённе?

– Да.

- Ты можешь вспомнить, как это было?

– Я могу вспомнить, как я очнулась. И что у меня были головные боли.

– Это от удара, – подсказывает Йоахим, пытаюсь вспомнить все то, что ему рассказали в полиции.

Как Елена сошла с парома в Рённе, как ее нашли без сознания на набережной, потом отвезли на машине скорой помощи в больницу. Там уже она пришла в себя, и у нее был рюкзак Луизы Андерсен. Врачи стали называть ее Луизой, и она откликалась на это имя, словно ее действительно так звали.

- Вы готовы сделать заказ? – прерывает их беседу подошедший официант.

Йоахим заказывает, словно на целый полк, слишком много блюд. Он догадывается, что они оба будут сидеть и тыкать вилками в пищу без всякого аппетита.

Когда официант ушел, она надолго погрузилась в свои мысли. Ему бы следовало окликнуть ее, чтобы привлечь к себе внимание, но он молчит. Каким именем ее назвать? Следует спросить об этом у нее. Но ему не хочется делать этого. Ему не нравится все, что произошло.

– Луиза? – обращается он к ней с опаской, и она отзывается. Она отзывается как ни в чем не бывало, но выражение ее лица какое-то непривычное. – Может, мне не называть тебя больше Луизой?

– Это так непривычно... Я... я не знаю. – Она закрывает ладонями лицо и сидит так некоторое время, а потом опускает их снова. – Я провела целый день, отвечая на вопросы о женщине с этим именем.

- Может быть, пусть тебя называют Еленой? Может, и мне так тебя называть?

Йоахим слышит свой собственный голос, и он также кажется далеко не привычным.

- Знаешь, есть кое-что, что я должна тебе сказать.

Она наклоняется вперед и тянется к его руке. Теперь уже он отдергивает руку. Она сидит с опущенной головой, волосы свисают вперед, так что ему не видно ее лицо. Это совершенно неправильно. Связь, которая все время существовала между ними, пропала.

– Йоахим... Я не могу больше продолжать жить с тобой. Теперь у меня целая жизнь, которая ждет меня в Силькеборге. Муж, двое детей. Я не могу так жить дальше.

– Разумеется, мы дальше не можем жить так, словно ничего не произошло, – отвечает он поспешно и с горячностью. – Конечно, это все меняет, но мы же найдем выход. Мы можем переехать и жить недалеко от них. Дети, разумеется, станут частью нашей жизни. Разумеется, я...

Она выпускает его руку, и он замолкает.

– Нет. Нет, ты не понимаешь. Я не могу так продолжать дальше. У меня появилась моя жизнь. Другая работа... У меня множество подчиненных, большая фирма. У меня есть муж. Эдмунд – мой муж. Ты и я... Мы не должны больше видеться.

- Да, я тебя понимаю, – соглашается Йоахим.

Но это все не так на самом деле. Она говорит, как полумертвая. Ясно, что она сама в шоке.

- Луиза... Ой, прости, я хотел сказать Елена...

Йоахим снова хватает ее за руку. Она испугалась. Конечно же, она испугалась, но теперь уже ничего плохого не должно произойти. Не нужно принимать никаких решений прямо сейчас.

– Елена, сейчас никто не ожидает от тебя, чтобы ты сказала, чего ты хочешь. Ты шокирована: все происходило настолько стремительно. Давай уйдем отсюда, это было большой ошибкой, что мы пришли сюда. Давай вернемся назад, в гостиницу.

Она качает головой, и Йоахим замечает, что он весь разгорячился, вспотел и что у него появилась боль в груди.

– Это из-за денег? Потому что он богат?

– Как ты можешь такое говорить? – сразу же резко отвечает она с искренним негодованием.

Разумеется, она не та, кто будет думать только о деньгах. Йоахим теперь сам себе противен за то, что сорвалось у него с языка.

– Прости, я не хотел этого сказать.

Он может попросить прощения, но вернуть сказанное уже нельзя. Она долго молча сидит перед ним. Потом снова начинает говорить, но уже другим голосом. На этот раз она говорит так, чтобы было понятно, что она действительно тщательно обдумала то, о чем сейчас пойдет речь:

– Если я этого не сделаю, если я не вернусь всем своим существом в свою прежнюю жизнь, я никогда себе этого не прощу. Мне становится страшно от мысли о том, что я уже упустила. Я ненавижу себя за то, что бросила своих собственных детей. Сколько лет прошло впустую! Три года жизни моих детей – тебе этого не понять... Они думали, что мать умерла.

Она наклоняется вперед, закрывает лицо ладонями и плачет. Йоахим поднимается. Его тело сделалось каким-то оцепенелым, будто оно стало чьим угодно, но только не его – ему видно это словно со стороны. Он садится на корточки и обнимает ее. Потом поднимается, тянет ее за собой, держа за руку, пока они выходят из ресторана подальше от посторонних взглядов.

На улице он снова обнимает ее. Замечает, что она не сопротивляется, доверяясь ему. Они долго так стоят – пока оба уже не в состоянии плакать. Он вдыхает сладкий нежный запах, исходящий от нее. Он прекрасно ее понимает. И это самое страшное. Он понимает, что она должна это сделать.

– Неужели это нужно сделать так поспешно, неужели ты уже все решила? – все-таки спрашивает он.

– Для нас это единственный вариант.

Он кивает. Это невыносимо. Он не хочет ее отпускать.

– А теперь я должна идти, – шепчет она, потихоньку высвобождаясь из его объятий, и что-то говорит о том, что ей еще предстоит пройти несколько тестов завтра.

Но Йоахим уже не слушает, у него слишком тяжело на душе. Она заправляет прядь волос за ухо, а он старается запомнить этот жест. Неужели он действительно больше никогда не увидит, как она это делает? Он больше не будет видеть ее мирно спящей рядом, просыпаясь каждое утро.

– Они ждут меня. Машина ждет...

Она смущенно потупила взгляд, а он понимает, что она имеет в виду Эдмунда. Значит, она об этом уже договорилась с ним. С Эдмундом.

Человек три года разыскивал свою пропавшую Елену. Во вторник утром он получил сообщение от бизнес-партнера: тот видел женщину, похожую на его супругу. Эдмунд не стал терять времени и в тот же вечер отправился на остров на своем самолете. Ночь он провел на скамейке перед кафе в костюме, сшитом по индивидуальному заказу и стоящем несколько

тысяч крон. Проснулся с первыми лучами солнца и не отводил глаз от кафе, спрашивал о своей Елене, звал ее, пока не встретился с ней.

Йоахим покачал головой.

– А то время, которое мы провели вместе... Ты ведь не забудешь его? – шепчет он.

– Нет, я никогда не смогу забыть тебя... Конечно же, не смогу, – отвечает она так же тихо и нежно.

Ее взгляд наполнен любовью, и ему приходится взять себя в руки, чтобы снова не обнять ее. Он засовывает руки в карманы. Стоит возле нее с опущенными плечами и говорит – она слышит в его голосе горе:

– Я понимаю, что ты должна так поступить, я действительно это осознаю... Но я отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось. Я буду всегда думать о том, как бы сложилась наша совместная жизнь. Ты должна об этом знать. Каждое утро, когда ты будешь просыпаться, я буду сидеть и думать о том, что ты уже проснулась. Мне будет не хватать тебя. – Он ненадолго замолкает. – Я не останусь на Кристиансё. – Произнесенные слова изумляют его самого: это решение он принял вот только что; но так и должно было быть, он уверен в этом на все сто процентов. – Я перееду в Копенгаген, я больше не смогу жить там, без тебя не смогу. Но ты всегда сможешь найти меня. Если только...

Он так и не закончил фразу. Луиза ничего не говорит, лишь начинает с беспокойством переминаться с ноги на ногу. Пришло время расставания, они должны расстаться. Ему хочется снова обнять ее, но она упреждает его, отступая на шаг. Она силится улыбнуться, но вместо этого получается какая-то гримаса.

– Может быть, ты сможешь мне написать как-нибудь... со временем, – отвечает она, пытаясь говорить бодрым голосом.

Йоахим смотрит на нее. Затем его осеняет. Она тоже подумала о том, что он будет сидеть там, в своем кабинете, расстроенный, злой. И это будет по ее вине.

– Да плевать я хотел на эту писанину! Я просто хочу, чтобы ты была моей, – шепчет он.

Его голос недостаточно силен, чтобы были слышны все слова, и они теряются на полпути. И она отступает еще на один шаг.

– Луиза...

Она качает головой. Это уже ничего не даст. Она поворачивается и уходит. Йоахим продолжает стоять, хотя ему тоже следовало бы уйти, вместо того чтобы провожать ее взглядом: это почти мазохизм – смотреть, как она идет вдаль по улице, не оборачиваясь, как садится в огромный автомобиль. Она знала еще в ресторане, что уедет сейчас. Автомобиль ждал ее, а теперь он разворачивается и проезжает мимо Йоахима. Луиза сидит на заднем сиденье, а впереди сидит мужчина, которого он раньше не видел.

В это время на светофоре загорается зеленый. Наконец-то Йоахим снова может двигаться. Он проходит несколько метров вслед за автомобилем по направлению к Ратушной площади, его взгляд прикован к красным точкам его задних огоньков. Может быть, есть такие слова, которые смогли бы вернуть ее к нему, только вот он пока их не нашел?

Йоахим останавливается. Красные огоньки смешались с огоньками прочих автомобилей. Луиза уехала.

12

В этот день солнце сияет в безоблачном небе. В такой день она должна возвращаться домой. Елена сидит в автомобиле и не может решить, в какое окно выглядывать, ведь она даже не знает, где находится ее дом, и тем более, как он выглядит. Но ее не покидает мысль: а что, если она опознает его? Что, если они приедут, и она поймет, что видит это все не в первый раз, а это и есть ее родной дом? Поместье Силькеборг. Она шепчет это слово самой

себе и замечает, как водитель поглядывает на нее в зеркале. На нем костюм, в котором, как ей кажется, он больше похож на банкира. Но это личный водитель Эдмунда, который уехал заранее, чтобы подготовить детей к ее приезду. Последние дни без Йоахима были самыми ужасными. Она совершенно не знала, что ее ждет. И психиатры не оставляли попыток восстановить ее память.

Врачи надеются, что возвращение к детям поможет в этом. Такие примеры известны за границей, пояснял Ханс Петер Росенберг, один из самых известных психиатров Дании, к которому обратился Эдмунд. Росенберг принимал участие в научных конференциях за рубежом по самым различным формам утраты памяти, связанными со стрессом, с травмами, как физическими, так и психологическими. В отношении Елены он был убежден, что это случилось из-за травмы головы. Должно быть, это двойной удар, двойная травма. Вполне вероятно, что это случилось после того, как она упала с лошади, утверждал Росенберг. Эдмунд нашел ее защитный шлем. Это первый удар. Может быть, второй был во время падения на пароме по пути на Борнхольм?

Она качает головой. Она больше не в состоянии думать об этом, обо всем, чего она не знает, что ее так утомляет. Она рассматривала возможность пообщаться с кем-нибудь, кто пережил нечто подобное. С человеком, который потерял самого себя, забыл, кто он такой. Она чувствует себя самым необычным человеком в мире и считает, что оставить Йоахима было огромной ошибкой. Но все было ошибкой – ей приходится выбирать между ошибками. Нет, она должна думать о детях и ни о чем другом.

Это было решение Елены: приехать утром, а не заявиться после обеда или вечером. Так было совершенно правильно. Следует приехать с первыми лучами солнца – новое начало. Это означает, что ей придется выехать из Копенгагена среди ночи, но она в любом случае не могла бы нормально поспать. Она все время смотрит в окно и пытается понять: почувствует ли она что-нибудь, узнает ли?

Они едут по длинной аллее, и она видит высокую ограду, окружающую дом. Утреннее солнце отражается в больших окнах этой огромной виллы или, лучше сказать, дворца? Она точно не знает, где проходит граница между этими двумя понятиями. Единственное, что она понимает точно: этот дом она не узнаёт. В полном разочаровании она еще крепче сжимает ручку сумочки. Учащенно вдыхает и выдыхает, глядя на белоснежные стены, три этажа, два балкона с тонкими изогнутыми перилами из кованого черного чугуна, широкую каменную лестницу, ведущую ко входу с высокими распашными дверями. Перед домом разбит ухоженный парк с подъездной дорожкой и маленьким фонтаном в центре. Пока автомобиль проезжает последние метры пути, Елена напряженно вглядывается в изящную мраморную рыбку, из которой вырываются небольшие струйки воды, искрящиеся на утреннем солнце. Пробуждаются ли в ней хоть какие-нибудь воспоминания об этом? Это она выбирала эту скульптуру? Совсем не похоже, чтобы она могла такое выбрать: это абсолютно не в ее вкусе. Да и Йоахиму такое бы совсем не понравилось. Нет, об этом ей сейчас совершенно не стоит думать.

Она не успевает открыть дверцу автомобиля самостоятельно – здесь уже стоит Эдмунд. Она даже не видела, как он вышел из дома.

– Добро пожаловать домой, – говорит он, выжидающе улыбаясь.

Он протягивает ей руку, и она ее принимает после некоторого колебания. Они впервые прикасаются друг к другу. Точнее, она впервые прикасается к нему добровольно. В кафе Эдмунд хватал ее за запястье. Кафе сейчас закрыто, но Лина получила зарплату за три месяца вперед, договор аренды не расторгнут: его приняла на себя компания «Сёдерберг Шиппинг», – Эдмунд позаботился обо всем этом.

– У тебя была тяжелая поездка?

Она лишь пожимает плечами. Да. Тяжелая. С каждым километром она отдалялась от Йоахима, и от этого становилось все тяжелее на душе. Но не настолько тяжело, как это должно было быть детям, когда она пропала. Она снова и снова повторяет это самой себе, пока поднимается за ним по лестнице. На полдороге он останавливается.

– Дети еще спят... Может быть, ты осмотришь территорию вокруг дома, или тебе хотелось бы сначала войти в дом? – спокойно и располагающе задает он ей вопрос.

– Я бы с удовольствием осмотрела территорию, я не устала, – отвечает она с некоторым чувством разочарования: ей не удастся сейчас же встретиться с детьми.

Эдмунд показывает ей всю территорию за домом. Елена с удивлением смотрит на озеро за лужайками сада: они совсем недавно здесь появились? Она знала, что есть люди, которые так живут. Богатые люди. Но когда она сейчас стоит и осознает, что это ее собственный сад, озеро... Это представляется чем-то неправдоподобным.

Чуть выше дома расположена терраса, окруженная оградой из натурального камня. Елена вздрагивает. Она узнает террасу. Узнает двустворчатую входную стеклянную дверь, ведущую в дом. Вспоминает фотографию, которую ей показывали в полицейском участке. Фотография с дня рождения, на которой она идет с подносом в руках. Ей приходит в голову мысль, что она так и не помнит, чей день рождения они праздновали тогда. Может быть, одного из детей? Кристиана или Софии. Она повторяет их имена, и ей страшно, что она может их снова забыть. Бред какой-то. Она же сама выбирала им имена.

– Когда дети обычно просыпаются?

– Бывает по-разному. Вчера они с трудом заснули, и я думаю, следует дать им поспать. Но вполне может быть, что они проснутся рано: им так не терпится увидеть тебя. – Эдмунд пожимает плечами, как бы извиняясь за свой неопределенный ответ.

Они спускаются к озеру, шагая плечом к плечу, и Елена удивляется, насколько естественно это у них происходит, в то время как сама ситуация кажется ей такой нелепой.

– Ты что-нибудь узнаешь?

Она оборачивается к дому, смотрит на яркую черепицу, побеленные стены, фонтан, который ей не нравится. Узнает ли она все это? Она опять поворачивается к Эдмунду, ожидающему ее ответа.

– Быть может, общий вид, – с осторожностью отвечает она, хотя это и не так. Ей очень хотелось бы дать ему положительный ответ.

– Общий вид?

– Ну да. Вода. Может быть, именно поэтому я выбрала себе точно такой же вид на Кристиансё.

Они идут дальше все так же рядом, спускаясь все ближе к озеру. На другом берегу озера, чуть повыше, ей видно стадо пасущихся коров. Она украдкой поглядывает на Эдмунда. Она ведь о нем ничего не знает. Следовало бы кое о чем у него спросить. Но о чем? Как начать? Времени у них достаточно. Сейчас ей предстоит еще осмотреть дом и окрестности. Вот причал, но не видно ни одной лодки. На поверхности озера все время появляются круги, расширяются и пропадают.

После этого Эдмунд водит ее по дому. Одно помещение с высоким потолком следует за другим, в каждом стоит массивная, обитая бархатом мебель, фарфоровые вазы и висит люстра. Елене так и не удается признать в этом стиле что-либо свое – дом какой-то обезличенный. Он совершенно не похож на место, в котором кто-то живет. Скорее на музей... Нет, даже не на музей, а на дом, где основная цель – продемонстрировать такой стиль жизни. На Кристиансё у нее было все совершенно по-другому. Там была квартира, которая никогда не выставлялась напоказ, а была просто местом, где они жили с Йоахимом.

Если квартира над кафе была ее и его норой, то что же тогда это? Елене в голову приходит мысль об усыпальницах египетских фараонов. Все то, что они должны были взять с

собой после смерти, невиданные богатства. Неужели этот дом – усыпальница? Ей не стоит сейчас так думать. Не стоит вспоминать о Йоахиме. И мысль о том, что она – единственная наследница всего здесь, кажется ей невозможной. Она должна принимать реальность маленькими кусочками. Сейчас речь идет только о детях. Когда же они проснутся? Когда она сможет их увидеть? Услышав шаги на лестнице, она вздрагивает. Эдмунд кладет ей на плечо руку, и она прилагает старания, чтобы не сбросить ее.

– Это всего лишь Каролина, она присматривает за детьми, – успокаивает он.

В гостиную входит женщина. С виду ей около семидесяти. На ней розовый костюм с юбкой до колен. Распущенные длинные волосы, что необычно для женщины ее возраста. Но это ей идет. Женщина пожимает руку Елене и представляется.

– Мы встречались с вами ранее? – с сомнением в голосе спрашивает Елена.

– Нет, меня взяли на работу уже после вашего исчезновения, фру Сёдерберг, – вежливо, но дружелюбно отвечает Каролина.

Елена смотрит на Эдмунда. Похоже, он подобрал отличную замену на время ее отсутствия. Конечно, это не новая мама, но женщина, полная любви к детям.

– Дети уже проснулись. Они готовы к встрече с вами, если вам угодно, – сообщает Каролина, от чего Елена вздрагивает.

Итак, сейчас это произойдет. Наконец-то. Эдмунд опять кладет руку ей на плечо, чтобы успокоить, и на этот раз она благодарна ему за это.

– Тогда приведите их к нам, Каролина, – просит Эдмунд.

И когда пожилая дама ушла, добавляет:

– Она хотела уехать еще вчера.

– Чего это вдруг?

Он пожимает плечами.

– Она совершенно не хотела присутствовать при встрече детей с мамой. Но я упрямил ее еще ненадолго остаться, – говорит он, осторожно улыбаясь.

Елена опускает глаза. Ну, разумеется, она должна задержаться еще на некоторое время, если вдруг мать снова не найдет саму себя или снова пропадет.

Слышно, как они спускаются по лестнице. Мягкие неспешные шаги Каролины и еще двоих человек. У одного шаркающие шаги, а у другого подпрыгивающие. И вот они заспанные, в пижамах, появляются в дверном проеме. Елена затаила дыхание. Она не знает, как они отреагируют, когда увидят ее. В ней борются противоречивые чувства: радость и разочарование. Она их не узнаёт, будто никогда раньше не видела. И тем не менее...

Девочка похожа на нее, в этом невозможно ошибиться. Мальчик, Кристиан, высокий. Он хорошо сложен и в свои восемь лет выглядит выше детей своего возраста. Это папин сын. Такие же темные волосы, такой же прямой довольно крупный нос, такие же густые брови. Красивый мальчик, и совершенно ясно, что он станет привлекательным мужчиной. А девочка...

Ошеломленная, Елена не сводит с нее глаз, пытаясь рассмотреть каждую черту ее лица. Светлые взъерошенные волосы, а глаза – они точно такие же, как и у Елены, неопределенного серовато-зеленого цвета. Она стоит, приподняв плечи до самых ушей, держит за руку Каролину и застенчиво косится на Елену.

Кристиан так и стоит в дверном проеме, угрюмый, нерешительный. Ему, без сомнения, хотелось бы снова уйти отсюда.

Она должна что-нибудь сделать, что-нибудь сказать. Она же их мать. При этом слове у нее голова кругом идет, и только сейчас она осознает, насколько это серьезно. Она приходится матерью двум живым, мыслящим, совершенно независимым людям. И ее здесь с ними не было. Она осторожно подходит и присаживается на корточки перед Софией.

– Здравствуй, София. Ты наверняка меня не помнишь, ты ведь была совсем маленькой, когда я... – Она смутилась. Какое бы слово подобрать? Быстро поворачивается к Эдмунду, но, судя по выражению его лица, ждать помощи от него не приходится. – Я ударилась головой, возможно, тебе об этом рассказывали, и все забыла. Я потерялась, но, к счастью, ваш папа нашел меня. И вот теперь я дома, и у нас будет достаточно времени, чтобы снова познакомиться друг с другом. Много-много времени.

Елена берет девочку за руку, слегка пожимает ее, поднимается и поворачивается к Кристиану, который внимательно слушал все, что она говорила.

– А ты помнишь меня? – спрашивает она с нежностью в голосе.

Мальчик в замешательстве, не смотрит на нее, а лишь бормочет:

– Я думал, что ты умерла.

Такие серьезные слова не очень соответствуют тонкому голосу ребенка. Они причиняют Елене боль, настоящую физическую боль. Он всего лишь маленький мальчик. Его внешность обманчива, она должна помнить, что ему всего лишь восемь лет. Маленький мальчик, который потерял маму.

– Можно мне посмотреть ваши комнаты? – Она меняет тему разговора.

Никто из них ничего не ответил. Елена не знает, что ей делать.

– Пойдемте. Давайте покажем маме ваши комнаты, – вступает в разговор Эдмунд.

У Елены отлегло от сердца, когда он выходит из гостиной и дети следуют за ним. Она поднимается по лестнице позади всех и смотрит на эту троицу, идущую перед ней: на свою семью. Это ее семья.

* * *

Вот уже два часа Елена сидит на полу в комнате Софии. Кристиан после короткой экскурсии по его убранной и хорошо обустроенной комнате заявил, что ему нужно делать уроки. Эдмунд запротестовал, но Елена поспешила согласиться: он, разумеется, имеет право, чтобы ему не мешали, и она не собирается этого делать. Он старший ребенок, в тот период ему было пять лет, и он переживал ее исчезновение по-своему. Нужно время, чтобы он осознал, что она на самом деле вернулась. К счастью, Эдмунд поддержал ее, когда София ответила согласием на предложение Елены немного поиграть с куклами в ее комнате. Это красиво обставленная комната принцессы. Мечта любой девочки. Елена на секунду задумалась: приходилось ли ей самой что-нибудь подбирать для этой комнаты или здесь все появилось уже после ее исчезновения? Пока они переодевают кукол и обсуждают, кто с кем дружит, малышка время от времени поглядывает на Елену.

– А ты хочешь увидеть Лаки? – вдруг задает она вопрос.

– Лаки?

– Мою лошадку, она совершенно белая.

При этих словах лицо Софии засияло. Она уже совсем не стесняется. А когда они спускаются вместе по лестнице, она берет Елену за руку.

* * *

Они заходят на конюшню. Длинный коридор, наполняемый светом через большие окна в потолке. По обе стороны находятся просторные стойла, и когда они проходят мимо них, некоторые лошади высовывают головы. Маленькие треугольные ушки с любопытством повернуты в их сторону, умные глаза и широкие ноздри на тонко очерченных мордах. Лошади арабской породы. Насколько Елена может заметить, все лошади на конюшне одной породы.

У Елены появляется непривычное ощущение: здесь есть то, что ей хорошо знакомо, – это ощущение пробуждается впервые именно здесь, на конюшне. Запахи соломы, травы, лошадей. Она жадно вдыхает их, пытаясь впитать в себя все новые впечатления. В конце коридора молодая девушка принимается за уборку помещения. Красивая темноволосая девушка лет двадцати, ухоженная, с округлыми бедрами и полной грудью, которую подчеркивает костюм наездницы. Она приветливо здоровается с Софией, а с Еленой – довольно прохладно и сдержанно. Елена очень рада, что Эдмунд не выбрал эту девушку присматривать за детьми на время ее отсутствия. И все-таки Елена представляется и протягивает ей руку. Девушка неохотно протягивает руку в ответ, едва прикасаясь, пожимает ее и тут же отдергивает.

– Меня зовут Катинка, фру Сёдерберг, – говорит она.

Фру. Елена не ожидала, что ее так будут называть дома. Она это поменяет, ее не будут здесь называть фру. Как это смешно!

Пока Елена размышляет над этим, София уже тянет ее дальше. Белоснежная арабская лошадь уже смотрит на них в ожидании, высунув голову из стойла. София открывает дверцы стойла и забегает туда, как к себе в комнату.

– Мам, вот Лаки!

Елена улыбается. Она чувствует, как у нее на глазах появляются слезы, но сдерживает их. *Мам.*

* * *

После обеда Каролина забирает детей наверх, в их комнаты. Эдмунд говорит, что ему нужно поработать. «Всего лишь часок», – объясняет он извиняющимся голосом.

Елена остается одна. В первый раз за несколько дней она совершенно одна – здесь, в своей спальне. Она подходит к двойной стеклянной двери и видит, что та выходит на один из красивых балконов дома. Отсюда открывается восхитительный вид. Газоны со множеством клумб, озеро с белыми лодками, покачивающимися на нем, лес, окружающий его, красивые здания конюшен. Трудно поверить, что это ее дом. Она поворачивается и смотрит на кровать. Огромная двойная кровать. У нее захватывает дух. Подходит поближе и проводит руками по покрывалу из толстой ткани. Ложится для пробы, лежит на спине и смотрит в потолок. Потом снова поднимается с кровати, становится перед окном и прислоняется лбом к прохладному оконному стеклу. Ее прошибает пот; интересно, когда ее температура тела снова придет в норму? Эдмунд идет по газону к лодочному причалу, разговаривая по мобильному телефону и спокойно жестикулируя свободной рукой. Ее муж. Дети отдыхают в своих комнатах. Она в своей спальне. Дома.

13

За ужином Кристиан наконец-то оживился. От угрюмого, замкнутого мальчика не осталось и следа: он пересказывает услышанный в школе анекдот. Очень длинный анекдот об утке, которая приходит в цех по разделке птицы и просит попкорн. То, как он рассказывает, смешнее, чем сам анекдот, и София, которой сейчас веселее всех, чуть ли не падает со смеху.

Потом заходит Каролина и отводит детей наверх: им пора принимать душ, а потом ложиться спать. Странно, но Елене хочется еще посидеть. Однако она замечает, что дети вымотались. Будет лучше не нарушать их ежедневный распорядок. Ведь, в конце концов, это ее первый вечер дома. Дети подходят к Эдмунду пожелать спокойной ночи. София садится ему на колени и обнимает его, а Кристиан просто говорит «Спокойной ночи». На мгновение София останавливается в нерешительности, но потом подходит к Елене. Та раскрывает

объятия, и девочка быстренько забирается к ней на колени, обхватывая ее руками. София крепко стискивает ее, и Елена закрывает глаза, наслаждаясь ароматом, исходящим от этого маленького теплого тела. Она снова открывает глаза и видит, что перед ней стоит Кристиан. Он тоже в замешательстве, не знает, что делать, но стоит и ждет. Она обхватывает его одной рукой и притягивает к себе. Он прижимается к ней, и его серьезные голубые глаза смотрят прямо в ее глаза. Они впервые посмотрели прямо друг на друга. Это ее сын.

– Спокойной ночи, мам, – произносит мальчик.

Елена крепко прижимает его к себе и долго не отпускает. *Мам*. Ей приятно, что ее так называют. Что ее вообще как-то называют. А может быть, она – это не она, а самая мимолетная и обезличенная персона в мире. Но, по крайней мере, она может быть чем-то для тех, кто ее как-то называет. Мамой, женой, наследницей. Что касается последнего, то пройдет еще много времени, прежде чем она к этому привыкнет. Всякий раз, когда Эдмунд пытался завязать с ней разговор о фирме, она тут же останавливала его. Это для нее пока слишком. Нужно все делать постепенно и начинать с самого важного.

– Спокойной ночи, мое сокровище, – эмоционально говорит она.

Некоторое время они сидят молча, Эдмунд теребит салфетку.

– Как тебе ужин?

Елена смотрит на свою тарелку. Она почти не притронулась к еде. Только попробовала свиное жаркое с картофелем и соусом из белой спаржи.

– Это было одним из твоих любимых блюд.

– Неужели? – Она с удивлением смотрит на мужа.

На глазах у нее слезы, и она сама не понимает, отчего они появились. Возможно, от этого любимого блюда, которое ей не нравится. На острове она никогда не готовила такую тяжелую пищу.

– Тебе не хотелось бы посмотреть фотографии? – спрашивает Эдмунд, поднимаясь из-за стола.

Он не видел ее слез, ему это совершенно не нужно. Елена кивает и следует за ним в комнату, выходящую на террасу. Створки большой стеклянной двери открыты, и вечернее солнце освещает помещение. Снаружи, в самом конце парка, видна вода: может, это море, а не озеро? Два больших дивана, обитые зеленоватым плюшем, стоят посреди комнаты, между ними журнальный столик. Вдоль стен расставлены узкие белые столы со свежими цветами в античных вазах, а сверху над ними висят картины. Это обычные пейзажи, и в таких же мрачных красках, как те, что висят в спальне. Захотелось выяснить: неужели это она сама выбрала художника?

– Мы разместили их по порядку в альбоме после того, как ты исчезла, – сообщает Эдмунд.

Елена внимательно смотрит на него, а потом на фотоальбом в переплете, лежащий на журнальном столике.

– Так нам было удобнее сидеть за столиком и рассматривать твои фотографии по вечерам. – Добавляет: – Мне и детям.

Елена опускает глаза. Эта картинка стоит у нее перед глазами. Эдмунд и дети вечер за вечером сидят и рассматривают старые фотографии своей пропавшей мамы, в то время как она накрывала столики в кафе в Гудйеме и занималась любовью с Йоахимом. Что она за человек? Наверное, было бы лучше, если бы она умерла.

Она устраивается на диване, а он открывает первый альбом с фотографиями, подвигаясь ближе к ней, и кладет ей на колени. Показывает первую фотографию, на которой изображена она, радостно улыбающаяся, сидящая в синих вельветовых брюках на гнедом коне арабской породы.

– Тебе приходилось ездить верхом после того, как... того несчастного случая?

Елена качает головой, вспоминая, как сегодня днем ходила с Софией на конюшню. Она не боялась лошадей, но и горячего желания подойти к ним поближе у нее не появлялось.

– Ты ездила верхом каждый день. Лошади твои, – продолжает он.

– Это племенные лошади? – с любопытством спрашивает она.

– Не совсем. Главным образом это лошади для занятий спортом, для конных пробегов... всего лишь хобби. – Эдмунд равнодушно пожимает плечами, ему хотелось бы рассказать о чем-то другом.

Он показывает Елене следующую фотографию, где она стоит возле коня более темной масти.

– Это твой любимый конь. Самир. Именно на нем ты ехала верхом в тот последний день.

Несчастный случай. Она ударилась головой. Об этом-то он и хочет рассказать ей. Елена рассматривает фотографию и себя на ней. И она, и конь выглядят совершенно расслабленными и спокойными.

– Ты отработывала езду на большие расстояния, и не было ничего необычного в том, что ты долго отсутствовала, даже несмотря на то, что уже стемнело. Но потом Самир примчался из лесу один. Работавшие на конюшне пришли за мной, и мы поскакали искать тебя. Я прочесал все тропинки, по которым ты имела обыкновение ездить. Всю ночь я провел на лошади, окликая тебя.

Сейчас голос у Эдмунда спокойный, но руки, держащие альбом, слегка дрожат. Елена пытается представить себе, как он верхом скачет по лесу с фонарем в руках, ищет ее повсюду, зовет и боится найти всю в синяках, а может быть, даже мертвой.

– Твой шлем лежал совсем рядом с ручьем, в зарослях травы.

Больше он ничего не говорит. В гостиной царит тишина. Солнце садится все ниже, и свет в комнате становится оранжевым, легкий ветерок приносит едва ощутимый аромат. Чем это может пахнуть? Конечно же, озером. Это запах пресной воды, такой непохожий на тот запах моря, который прежде окружал ее и к которому она привыкла. Этот запах скорее напоминает... что? Может быть, перегной? Эдмунд поднимается и идет закрыть дверь. Елена открывает следующую страницу. Там тоже полно фотографий с ней, сидящей верхом на различных лошадях. То же самое и на следующей странице, и во всем альбоме. На большинстве фотографий она с этим конем темной масти. С Самиром. Эдмунд включает люстру, отрегулировав интенсивность света, возвращается к дивану и садится рядом с ней. На этот раз на несколько большем расстоянии.

– Полиция тоже прочесала все окрестности, но не нашла никакого следа. Мы искали тебя в течение нескольких дней по всей округе с собаками и вертолетами. Даже в озере. Полиция предполагала, что это самоубийство, но... – тут Эдмунд вздыхает, – тебя объявили в розыск по Дании и даже за границей. Никакой информации не поступало, не было никаких зацепок. Ты просто исчезла. В полном смысле слова исчезла.

Елена слушает. Он рассказывает сейчас историю, произошедшую с ней.

– А чем я еще занималась? Если лошади были моим хобби, то какая у меня была работа? – с нетерпением задает вопрос Елена, которой теперь захотелось узнать все.

– Ты помогала вести дела на фирме. Это была фирма твоего отца. Он создал компанию «Сёдерберг Шиппинг», был основателем всего. Мы просто продолжаем его дело.

– Мой отец, – повторяет она и чувствует, как это слово пробуждает внутри нее ощущение тепла.

Это слово снова потрясает ее. Значит, она не детдомовская, не сирота, у нее есть своя биография.

– Расскажи о моей семье. Кто были мои отец и мать?

– Ты родом из хорошо известной семьи. Твой прадед был одним из основателей Химмельбьергских собраний...

Елена замечает, что Эдмунд все время что-то ищет, какую-нибудь искорку прозрения в ее глазах. И всякий раз остается немного разочарованным. Он продолжает:

– Химмельбьергские народные собрания... в целях установления демократии в Дании...

Она кивает: кое-что из того, о чем рассказывает Эдмунд, она знает. Те факты и события, что известны всем. Она также знает, что Монтевидео находится в Уругвае, что Дания стала демократическим государством в 1849 году, что жасминовый рис более клейкий, чем прочие сорта риса. И ему отдают предпочтение, когда едят палочками. Она знает много чего и может месяцами рассказывать обо всем, что знает. Только лишь информация о ней самой и о том, что с ней случилось, стерлась из памяти.

– А мой отец? Он тоже этим занимался?

Эдмунд улыбается:

– Твой прадед жил в сороковых годах девятнадцатого столетия. Твоего отца звали Аксель. До своей смерти он был одним из наиболее влиятельных предпринимателей в Дании.

Он говорит так, словно читает по книге, размеренным и лишенным всяких эмоций голосом. О фирме, о том, как ее отец курсировал по озерам, перевозя главным образом лес и туристов. О том, как он вовремя понял, что будущее за перевозками не по озерам, а по морям, и стал расширять свою деятельность, начал строить собственные корабли в Фредериксхавне. Но он обосновался в Силькеборге, где они всегда находились, хотя многие на фирме годами пытались уговорить его перевести главный офис в Копенгаген, Орхус или даже на Филиппины.

– Есть фотографии с ним? А моя мать? У меня есть братья или сестры?

Эдмунд берет альбом, переворачивает в нем несколько страниц то вперед, то назад и вручает его Елене открытым на странице со старыми черно-белыми фотографиями.

– Вот твои родители. Ты была их единственным ребенком, – отвечает он довольно формальным, обезличенным тоном.

Она рассматривает фотографии. Вот старый свадебный снимок: на нем молодая девушка, сидящая на стуле в простом белом платье и фате, спускающейся ей на плечи, со смущенным, несколько застенчивым выражением лица.

Эдмунд осторожно пододвигается к ней и кладет свою ладонь ей на руку, но быстро убирает ее назад.

Елена опять сосредоточивается на фотографиях с отцом. На свадебной фотографии он возвышается над всеми, стройный и властный. Он был гораздо старше своей невесты. Ему где-то за пятьдесят, – оценивающе думает она. Она узнает в нем свой подбородок и глаза, густые брови. Пересматривает все фотографии, одну за другой, перелистывает весь альбом, видит, как протекала жизнь ее родителей. Сначала ее мама совсем молодая, потом она становится серьезнее. Затем родилась Елена, у ее родителей появляются животики. Фотографии меняются, становятся цветными, меняется и стиль одежды, а у родителей появляются морщины. Елена продолжает листать альбом. Ее пальцы замечают прежде, чем глаза, что внутри фотоальбома, где склеены страницы, чувствуются зазубрины.

– Здесь не хватает одной страницы.

– Неужели?

Эдмунд проводит по этому месту пальцами:

– Да. Это старый альбом.

Он перелистывает дальше. Следующая страница. На ней Елена видит новорожденную – это она сама. Видит, с каким теплым и полным любви выражением лица глядит на

нее мать. Смотрит, как подрастает, учится ходить, как сидит верхом на первом пони в своей жизни.

Она долго рассматривает каждую фотографию, Эдмунд, сидящий рядом, молча дает ей возможность листать не спеша. Она ощущает тепло, исходящее от его ноги, слышит его дыхание. Досматривает альбом до конца, закрывает его и глядит на кипу других, лежащих перед ними. Их так много, и так много в них фотографий за все эти долгие годы! Все то, что она забыла, начинает возвращаться к ней.

– Мои родители умерли? – спрашивает Елена, хотя и сама знает ответ: если бы они были живы, они бы тоже сейчас были здесь. Они бы тоже тосковали по ней.

– Да, они уже умерли. Хочешь посмотреть фотографии детей, когда они были маленькими?

– А как насчет... двоюродных братьев и сестер... в этом плане.

Эдмунд засомневался:

– Да. Разумеется. Но...

– Но?

– Ты же знаешь, как бывает, когда речь идет о деньгах.

– Нет.

– Родственники... все деньги, заработанные твоим отцом, – отвечает Эдмунд, слегка пожимая плечами. – Полагаю, твои родственники рассчитывали на значительно большую сумму, чем он был готов дать.

Елена молча кивает. Чувства переполняют ее, когда она открывает следующий альбом.

– Кристиан? – шепчет она.

Эдмунд утвердительно кивает. Сейчас уже слезы выступили на глазах у них обоих.

Елена медленно перелистывает этот альбом. При этом она переворачивает страницы своей собственной жизни, которая не должна была исчезнуть таким образом. Снова и снова она пытается напрячь мозг: она хочет вспомнить. Ей не хочется просто сидеть и смотреть: хочется знать, как она себя чувствовала, когда делались эти фотографии.

– Ты что-нибудь вспоминаешь? – спрашивает Эдмунд, очевидно, думая о том же самом.

Елена с сожалением качает головой.

– Может быть, мне поможет, если я снова начну лечиться, – отвечает она, но сама мысль об этом приводит ее в ужас.

Эдмунд обратился к лучшим психиатрам и терапевтам страны, чтобы они вернули ей память. Но врачи в Королевском госпитале уже пытались это сделать. И это действовало на нее так угнетающе, словно каждая такая попытка угрожала ее жизни.

Неожиданно Эдмунд берет ее руку и прижимает к своему лицу. Елена в испуге пытается забрать руку назад, но он держит крепко.

– Елена, мне тебя очень не хватало, – говорит он и прижимается к ней.

Она чувствует его мягкие губы на своих губах, гладко выбритые щеки. Он – ее муж, красивый мужчина. Она кладет ладонь ему на грудь и, ощущая твердые мускулы на ней, останавливает его.

– Пока еще слишком рано, я не могу...

Он отпускает ее и встает.

– Прости.

– Ты не должен просить прощения, это я должна. Просто я так измучена. – Елена тоже поднимается и стоит в смущении перед ним.

* * *

Они молча готовятся ко сну – лежат друг возле друга. На широченной двухместной кровати между ними остается еще много места. У каждого из них свое пуховое одеяло.

– Спокойной ночи, – говорит Эдмунд и ложится на бок, повернувшись спиной к ней.

Его дыхание становится спокойным, но у Елены нет уверенности: возможно, он только делает вид, что спит. Сама она еще долго не засыпает. Прислушивается к новым звукам. Это слабое гудение может исходить из дымохода через открытый камин. За домом шумят деревья. Но прежде всего она слышит дыхание Эдмунда. С этой ночи она будет слушать, как он спит – каждую ночь. Каждую божью ночь. Он ведь ее муж. Когда-нибудь она будет готова к нему. Она должна быть готова. И все-таки она скучает за Йоахимом. Интересно, он уже снова пишет?

14

Йоахим просыпается с резкой болью и привкусом скумбрии во рту. Скумбрия? Он еще долго продолжает лежать на матрасе, не раскрывая глаз, у него нет сил смотреть на то, что его окружает. Жалкая однокомнатная квартира в Нёрребро³ с отклеившимися обоями на стенах и линолеумом на полу. В комнате стоит затхлый запах, а из углов тянет чем-то кислым – наверное, здесь держали кота. Перед окном щит с надписью «Продается» тихонько качается от утреннего бриза. «Ах, черт», – шепчет Йоахим. Ему бы следовало быть признательным и за такое жилье. Это Гудрун из издательства предложила свою помощь: пожить здесь, пока квартира не будет продана. Она купила ее для своего сына, но он поедет в Нью-Йорк, чтобы учиться дальше. Йоахим продолжает лежать, не открывая глаз. Как же это далеко от его собственной жизни! Жизнь с детьми, которые учатся в американском университете. Жизнь для людей с настоящей работой, с настоящими отношениями.

Он поворачивается на бок и все-таки открывает глаза. Смотрит на не распакованные ящики с вещами, стоящие вдоль стен один на одном. Единственное, что он сделал, – устроил себе ложе из матраса, положив его прямо на пол, и поставил ноутбук на красном журнальном столике, оставленном сыном Гудрун. Возле ноутбука стоят две пустые бутылки и стакан с недопитым вином. Так закончилась его вчерашняя попытка что-нибудь написать.

Шатаясь, он поднимается на ноги и идет в крошечный санузел: туда следует заходить почти боком, и кажется невероятным, что там есть место еще и для душа. Он старается не смотреть на себя в зеркало, поскольку и так знает, какой у него вид после этой ночи. Одутловатое и красное лицо – он выглядит старше своих пятидесяти двух лет.

Несколько минут он ищет таблетки от головной боли, но так и не находит их. Он не сам упаковывал свои вещи: попросил об этом Лину.

У него не было сил оставаться на Кристиансё одному, без Елены. Его старенький «вольво» так и стоит на Борнхольме. Грузчики доставили его вещи на следующий день. Старую одежду и старые рукописи.

Что ему теперь делать? Что с ним теперь будет? Остаться одному в этой квартире в Копенгагене и каждое утро просыпаться вот так? Ждать и надеяться, что любимая женщина передумает и вернется к нему назад? Но у нее же теперь есть семья. Она получила предложение, которому он не мог ничего противопоставить. Муж, дети и дом. Что он мог ей предложить взамен?

³ Нёрребро – один из районов Копенгагена.

Он должен попытаться начать писать. Сейчас он чувствует себя несчастным. Нужно только начать писать. А может быть, такой поворот жизни это Божье благословение.

Йоахим сидит перед включенным компьютером, тупо в него уставившись. Потом поднимается, прохаживается по комнате и выглядывает из каждого окна. Ему не хватает Луизы. Елены. Ему не хватает ее физически, словно у него отняли часть его самого, и теперь у него постоянная ноющая боль. Он хочет позвонить ей. Ведь можно же позвонить? Просто сказать, как ему не хватает ее, и спросить, как у нее дела. Он думает о том, как она выглядела, когда они стояли друг перед другом возле ресторана. Она заплакала и попросила оставить ее в покое.

Он снова идет к ноутбуку. Сеть «Free-wifi-fuck» не появляется в списке доступных, как это было вчера вечером. Вместо этого есть сеть соседки, Ребекки Фискнет, с хорошим доступом. Йоахим раздумывает, натягивая рубашку через голову и вставляя ноги в изношенные туфли, затем спускается по лестнице на девять ступенек вниз и стучится в дверь к Ребекке. Через некоторое время дверь открывается. Ей лет двадцать, она – студентка, хорошенькая... И что дальше? Она не такая красивая, как Елена.

– Добрый день...

– Привет, Ребекка, – здоровается Йоахим, слегка покраснев и растерявшись от этого. Может быть, она его узнает? – Я живу здесь, немного выше. Просто проходил мимо и хотел поздороваться.

– Окей, привет, – улыбается девушка.

Красивые зубы, ярко-красный лак на ногтях, который начинает шелушиться, тушь для ресниц, нанесенная еще вчера... всякие дурацкие подробности. Зачем они ему нужны?

– Ты... Можно я немного попользуюсь твоим вай-фаем? Мне должны дать доступ на следующей неделе.

* * *

Вернувшись в квартиру, он залогинивается в сети Ребекки и какое-то время сидит, уставившись на логотип «Гугла».

– Ну, давай же, – шепчет Йоахим.

Он должен написать о своем несчастье. Он больше не пойдет к Елене, не станет тратить время на нее... Он вводит «Елена Сёдерберг» в поле поиска. Выскакивает целый ворох ссылок о ее фирме, о ее прадеде, который был одним из организаторов собраний национального возрождения в Химмельбьерге, одним из тех, кто боролся за демократию в Дании. Эта информация не радует. Он чувствует себя ничтожеством, и эта микроскопическая однокомнатная квартирка кажется ему подходящей для него. Семья Йоахима едва ли может называться родом, сравнимым с Сёдербергами.

Он читает дальше. Информации о ней на удивление мало. Находится одно интервью пятилетней давности в каком-то женском журнале. Там есть и фотография. У нее совсем другая прическа, гладкие волосы более светлого цвета. Стопроцентная блондинка – должно быть, это парикмахер постарался. Она красивая и... настоящая леди. Стиль одежды тоже совершенно другой: более строгое платье темно-синего цвета и простая тонкая цепочка на шее. Есть также фотографии ее дома внутри и снаружи. Все такое помпезное, кричаще роскошное. Такое далекое от той жизни, которую она вела с ним на острове. Он читает статью. Елена рассказывает журналисту о своих глубоких, романтических и прежде всего датских корнях... как будто Дания появилась на свет в этом долбаном Химмельбьерге. Йоахим продолжает терзать себя и читает дальше. Елена несколько раз упоминает об Эдмунде, называя его *мой муж*. Она приводит его в качестве примера мужа, понимающего, насколько важно

делить с женщиной домашнюю работу: это современный мужчина, который не только утверждает, что он за равноправие, но и подтверждает это своими поступками.

Звонок в дверь. Йоахим бросается открывать, неужели это она? Уже? Перед дверью стоит мужчина в костюме с портфелем в руке.

– Добрый день! Моя фамилия Шмидт, я адвокат семьи Сёдерберг. Вы позволите мне войти? Я ненадолго.

Сбитый с толку Йоахим пожимает руку адвокату и приглашает его войти. Шмидт заходит и осматривается в комнате: матрас на полу, бутылки из-под вина на журнальном столике, ящики с вещами, часть которых валяется на них после того, как Йоахим там лихорадочно рылся в очередной раз. Ему становится стыдно, и он поспешно выносит на кухню бутылки и закрывает ноутбук.

– Простите, я совсем недавно переехал, здесь небольшой беспорядок... – Он не знает, что сказать.

Адвокат вопросительно смотрит на стул. Йоахим кивает. Шмидт садится, кладет на столик портфель и раскрывает его.

– В чем, собственно, дело?

– Я должен поговорить с вами об этом деле. Давайте попытаемся найти решение, которое устроило бы обе стороны. Может быть, вы тоже присядете? Здесь у меня кое-какие документы, которые я бы хотел вам показать.

У Йоахима снова наступает похмельный синдром. Вероятно, он все еще немного пьян. Адвокат семьи Сёдерберг? Он кивает головой, словно обращаясь к самому себе, подвигает один из ящиков к столику и усаживается. Оказывается слишком низко по отношению к столику. Встает и кладет еще один ящик сверху – и теперь уже слишком возвышается над столиком и адвокатом. Но лучше уж так. Семейный адвокат... Ну, разумеется, у семьи Сёдерберг есть свой адвокат.

– Не понимаю... Решение, вы говорите?

Адвокат откашливается и с некоторой нервозностью достает из портфеля листы бумаги.

– Вы ведь знаете семью Сёдерберг? Эту историю... деликатную. То, что Елена исчезла, утрата памяти, это все ужасно, но...

Адвокат передвигает бумагу по столику, и Йоахим начинает ее рассматривать. Название «Договор о конфиденциальности» написано сверху заглавными буквами. Он читает дальше. Становится ясна причина прихода адвоката. «Договор заключается между сторонами», а дальше следует его собственное имя и имя господина Сёдерберга.

– Для семьи Сёдерберг было бы очень неприятно, если бы эта история со всеми подробностями о том, как фру Сёдерберг жила с другим мужчиной в период своего исчезновения, стала достоянием гласности... Нам следует подумать о Елене, пощадить ее чувства.

Адвокат выжидающе смотрит на Йоахима, пока тот читает договор.

Он должен подписаться под тем, что не расскажет о своих отношениях с ней никому, не только прессе, но и никому другому, ни своей семье, ни друзьям. И что он не имеет права писать о Елене. Все это перечислено отдельно: ни в виде книги, рассказа, статьи, обзора, интервью и т. д. Это хорошо проработанный договор. Он смотрит на сумму, указанную на последней странице, и изумляется. Пятьсот тысяч крон. Полмиллиона.

– Нам понятно, что это неприятно для вас, и мы охотно это компенсируем, – резюмирует адвокат.

Компенсируют? У Йоахима возникают сомнения, за что, собственно, ему предлагают такие деньги. За молчание? Идет ли речь о том, чтобы не было неприятных интимных подробностей об исчезновении и жизни Елены на острове... Или же они хотят быть уверен-

ными, что он не упомянет о ней вообще и больше не появится в ее жизни? Они ему платят, чтобы он совсем забыл о ней?

– А если Елена решит уйти от Эдмунда? Я буду ждать ее.

Йоахим кладет договор о конфиденциальности на столик. Его рука немного дрожит.

Адвокат хмурит брови и сам выглядит сбитым с толку.

– В договоре речь идет о том, что вы отказываетесь от права рассказывать о чем-либо, что происходило в течение последних трех лет. Вы подписываетесь под тем, что вы не будете никому ничего рассказывать о Елене...

– Я хочу быть уверенным, что это не означает моего полного отказа от Елены. Я люблю ее и знаю, что она любит меня. Понимаю, что она должна была вернуться в семью. Безусловно. Но ведь она может передумать.

– Совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Елена Сёдерберг вернулась в свою семью, и теперь семья хочет быть уверенной, что все кончено и что эти неприятные истории не станут достоянием гласности.

Неприятные истории. Ощущение, как при болях в животе. Йоахима свели до уровня неприятных историй. Каких-то семейных страхов. Досадные обстоятельства, которые могут нарушить их спокойную жизнь. Будут ли у Елены снова брать интервью для женских журналов? Станет ли она рассказывать, какой была несчастной без своей семьи... но ее *муж с современными взглядами*, к счастью, в конце концов нашел ее? Вот *такую* историю будут рассказывать для публики? Йоахим чувствует, как у него что-то переворачивается в животе, и опять этот вкус скумбрии во рту. Скумбрия? Он терпеть ее не может. Или он ел ее ночью?

– Я не могу это подписать. – Он решительно отодвигает бумаги от себя.

– Но... – Адвокат явно в недоумении.

Йоахим поднимается.

– Сожалею. Мне очень досадно, что это неприятно для семьи, но я не могу. – Он замолчал, а потом продолжил чуть тише: – Я не желаю создавать проблемы для Елены, не собираюсь говорить что-либо, что могло бы создать ей проблемы. Но также не могу торговать тем, что пережил вместе с ней. Время, которое мы провели вместе, – это часть моей жизни тоже. И это не то, о чем я хотел бы забыть. Писатель не может торговать событиями своей жизни: это единственное, что у него есть.

Йоахим чувствует свою правоту. Воспоминания о жизни с этой женщиной – единственное, что у него есть.

Адвокат встает, но продолжает стоять перед ним в нерешительности. Йоахим протягивает ему документы, но адвокат поднимает руку в знак отказа.

– Оставьте их у себя, подумайте немного. Может быть, вы передумаете. Тут есть еще дело о Луизе, – добавляет адвокат и пристально смотрит на Йоахима.

– Что еще за дело?

– Вообще-то полиция также подозревает фру Сёдерберг... в деле об исчезновении Луизы Андерсен. А в этом случае было бы лучше, если бы не слишком много подробностей попало в прессу.

Йоахим рассматривает адвоката и пытается понять, что эта бумажная душа говорит. Ну да, Луиза Андерсен, давно пропавшая без следа... Елену *подозревают*? Но неужели для нее будет меньше риска попасть в тюрьму, если Йоахим подпишет договор?

– Я не передумую, – в конце концов произносит он и настойчиво протягивает бумаги назад.

Но адвокат закрывает портфель и поспешно проходит мимо него прямо к двери, повторяя:

– Подумайте все-таки об этом. Номер моего телефона и мой адрес есть в договоре. Позвоните мне, когда передумаете. Не пройдет и часа после того, как вы подпишите договор, и деньги окажутся у вас на счету.

Йоахим решительно рвет договор пополам. Звук разрываемой бумаги заставляет адвоката повернуться. Он с изумлением смотрит на половинки листов формата А4, падающие на пол. Качает головой и выходит из квартиры, громко хлопая за собой дверь.

Йоахим снова в одиночестве. Совсем один.

Это правда: Елена не выбрала его – у нее есть дети. Но он сделал для себя выбор: ждать ее. Даже если ему придется ждать ее всю оставшуюся жизнь.

Кроме того, он уверен, что в этом деле что-то не так. Как появилась Елена на Борнхольме с рюкзаком Луизы Андерсен? Что же тогда произошло с настоящей Луизой? Как пересеклись пути этих двух женщин: воспитанницы детдома и представительницы высшего общества? Нужно выяснить это. Выяснить истину.

Йоахим роется в своей сумке для ноутбука и находит то, что ищет, вместе с парой старых леденцов: подставку для бокалов. Это единственный след Луизы Андерсен. Кусок загаженной картонки, который когда-то стоял под спиртным, с телефонным номером какого-то Петера из Министерства социального развития. 91880119. Йоахим уже давно передал информацию о Петере в полицию, но они так ничего и не нашли по этой наводке. Номер телефона, нацарапанный на подставке для кружек, не похож на подсказку к разгадке, сказали они, и Йоахим в принципе согласен. Но следует попытаться еще раз. Он кидает подставку на столик.

«Черт-черт-черт!» – шепчет он и наливает горячую воду из-под крана на гранулы кофе в чашке. Снова возвращается в комнату, это всего лишь в двух шагах. Он опять смотрит на эту подставку. «Нет...» – скорее думает, чем произносит, и качает головой. Неужели так просто? Телефонный номер. Подставка шлепнулась на столик, и цифры оказались перевернутыми вверх ногами. Но вновь получился телефонный номер: 61108816. Теперь почерк кажется более естественным, хотя все равно его трудно разобрать. Неряшливая надпись. Единицы написаны как черточки. Йоахим хватается свой телефон: нужно попробовать этот номер.

– Альгаде. Горм у телефона, – слышен усталый от жизни мужской голос.

– Луиза Андерсен, – говорит Йоахим.

В ответ молчание, длящееся три секунды.

– С кем я разговариваю? – Голос становится резким.

– Где она? – спрашивает Йоахим.

– Понятия не имею, о чем вы говорите. Какого черта вы сюда звоните?

– Луиза исчезла. Я пытаюсь разыскать ее. Ваш номер был на одной ее вещице.

– Я никогда о ней не слышал, – отвечают на том конце и вешают трубку.

Йоахим знает, что этот Горм из Альгаде лжет. И его трехсекундное молчание подтверждает это.

15

Елена ворочается в кровати, смотрит на Эдмунда: он все еще спит. Она встает, стараясь не шуметь. Берет с кресла возле кровати домашний халат. Надевает его и выходит в ванную комнату, примыкающую к спальне. Здесь же огромный шкаф-купе, который практически является гардеробной.

Ей не хватает Йоахима. Все ее тело тоскует по нему, по его рукам, обвивающим ее, его губам, его глазам. Она включает душ – настоящий стремительный водопад, – намыливается, моет волосы и при этом надеется, что Эдмунд не проснется и не войдет в ванную. Как только

на ней снова оказывается халат, вздыхает с облегчением. *Муж* по-прежнему спит. Елена заходит в гардеробную и рассматривает длинные ряды вешалок с платьями и костюмами. Начинает нерешительно перебирать висящую одежду в поисках того, что ей было бы приятно надеть, примеряет шелковую блузку с синим жакетом. Глядит на себя в зеркало. Ноги у нее голые, на ней только блузка и жакет. Может быть, это подойдет? Засовывает руки в карманы жакета и снова смотрит в зеркало. Настоящая бизнес-леди. В кармане что-то лежит. Она рассматривает маленькую бумажку: это какая-то квитанция из паркомата.

– Что это?

Она оглядывается. В дверях стоит Эдмунд и смотрит на нее.

– Понятия не имею. Какая-то квитанция из паркомата на пять крон.

– Ты сохраняла все квитанции. – Эдмунд направляется в ванную.

– Зачем?

– Зачем? – недовольно кричит он, высовывая голову из ванной. – Ты же все сэкономила. Ты очень бережливая.

– Неужели?

– Очень. Из всех доходов могут вычитаться налоги. Квитанция на пять крон – это экономия одной кроны и двадцати пяти эре при уплате корпоративного налога. Какого года квитанция? Ты наверняка можешь еще использовать ее. Я имею в виду, ты можешь включить это в свои расходы за пятилетний период! – кричит он из ванной.

Елена рассматривает бумажку. Первая маленькая черта ее прежнего характера. Она скряга. Супер. Дата... двадцать третье марта. Бумажная фабрика. Двадцать третье марта. Выходит, это было за три дня до ее исчезновения. Она бросает квитанцию в ящик своей ночной тумбочки. Возможно, к ней вернется ее прежний характер, и она будет досадовать, что не удалось сэкономить одну крону двадцать пять эре на корпоративном налоге. Она возвращается к вопросу, что надеть. Одежда для езды верхом. Она достает брюки и держит их перед собой. Интересно, быстро ли удастся вспомнить, как садиться на лошадь?

– Думаю, они тебе пока не понадобятся, – говорит Эдмунд из-за ее спины.

– Я только посмотрю. – Елена вешает брюки обратно на вешалку.

Удивительно: она ответила так, словно говорила в магазине одежды со слишком навязчивым продавцом.

– Мне кажется, мы должны немного пообщаться с детьми, – говорит Елена.

– Каролина уже отвела их в школу. Мы с тобой остались вдвоем. Строгий распорядок пойдет им на пользу. Как можно строже, – спокойно отвечает Эдмунд, будто это самая обычная вещь и словно он говорит об этом гувернантке, а не жене.

Елена разочарована. Она была бы очень рада побыть вместе с ними.

– Я подумал, что мы могли бы провести этот день вместе. Только ты и я. Чтобы наверстать... – Эдмунд смущенно запинается.

Елена понимает, хотя он и не говорит открыто. Секс – вот что он имеет в виду. Эта мысль тревожит ее и злит. На что он рассчитывает? Чего он, собственно, от нее ожидает?

Но она берет себя в руки. Он тосковал по ней, это понятно. Он ведь ничего не забыл, и тосковал по ней все то время, пока ее не было. Три года.

– Думаю, я бы все-таки попробовала немного проехать верхом. – Она виновато пожимает плечами. – Мне нужно заниматься тем, чем я занималась раньше, до этого несчастного случая. Может быть, это вернет мне память.

Эдмунд заметно разочарован, но не возражает:

– Хорошо, я прикажу оседлать Самира.

* * *

Во дворе перед конюшней уже ждет Катинка с оседланной лошастью. Она такая же неприветливая, как и вчера. Елена подходит спереди к Самиру, и конь тихо пофыркивает. Несомненно, он ее узнает. Она осторожно кладет руку на его шею и чувствует, как тепло исходит от короткой шелковистой мягкой шерстки. Она не боится этого коня. Но вот сможет ли она на нем ехать? Должно быть, это как на велосипеде: навык остается у человека навсегда, если он когда-нибудь этому научился. Елена берется обеими руками за седло и ощущает гладкую, хорошо смазанную кожу, осторожно прислоняется к боку лошади и закрывает глаза. Знает ли она, что делать дальше? Вспоминает ли что-нибудь? Она открывает глаза. Тут никакой науки не нужно. Следует вставить одну ногу в стремя и изо всех сил оттолкнуться другой ногой, чтобы оказаться на спине лошади. Лениво подходит Эдмунд, тоже в костюме для езды верхом.

– Тебя посадить? – спрашивает он, взяв у Катинки поводья.

От внимания Елены не ускользает, каким взглядом та на него смотрит. Восторженным, взволнованным. Это, пожалуй, вполне естественно. Девушка как раз в том возрасте, когда мечтают о таких мужчинах, как он. Именно поэтому она настроена настолько недружелюбно по отношению к Елене. Эдмунд протягивает руки, чтобы поднять ее. Но не успела она вообще о чем-то подумать, как вставила ногу в стремя и взлетела на спину лошади – и вот уже сидит верхом и готова ехать. Если она что-то и умеет делать, так это ездить верхом.

– Я бы хотела в первый раз проехать одна. – Женщина уверенно наклонилась и взяла поводья.

Эдмунд отпускает поводья:

– Хорошо.

Елена слегка прижимает шенкеля. Она легко держится в седле и чувствует, что оно сделано специально для нее. Она в последний раз окидывает взглядом стоящих рядом Эдмунда и Катинку. Интересно, лежали ли они так же рядом друг с другом? Может быть. Эдмунд – мужчина в расцвете лет, а девушка явно ревнует его к Елене.

Самир выбегает со двора и держит курс к лесу.

Буки, вереск, сосны и ели, а между ними разветвленная сеть широких тропинок для прогулок верхом. Озеро остается слева. Его большая синяя гладь все время неподалеку, как постоянное напоминание о том, чего она не может осознать, о том, чего не видит, что находится под этой поверхностью.

Елена ошеломлена тем, как ей комфортно скакать верхом. Она подсознательно понимает, что команды лошади следует отдавать осторожно и мягко. Она вполне уверенно распределяет вес при движениях коня. Словно они с ним нашли общий язык, и можно полностью довериться животному. Приходит облегчение. Она дышит полной грудью и постепенно избавляется от напряжения, не покидавшего ее все последние дни.

Через некоторое время Елена начинает догадываться, что Самир пытается скакать в определенном направлении: на восток, подальше от озера. Он становится все азартнее, набирает темп и переходит от рыси к галопу. Елена, хотя и сомневается, но не останавливает его. Она немного приподнимается в стремях, крепче прижимается коленями и наклоняется вперед. Конь ускоряет ход, и она наклоняется еще больше, сжимая колени сильнее. Появляется новое ощущение: *свобода*. У нее нет страха даже на поворотах, где бег лошади заставляет ее отклоняться в сторону.

Еще один поворот и еще один – и тут конь резко останавливается. Еще мгновение – и Елена вылетела бы из седла, но она быстро восстанавливает равновесие. Лошадь стоит, как столб, ушащенно дыша. Да она и сама запыхалась.

Они на поляне, и перед ними журчит ручеек. Елена спешивается, отпускает поводья, Самир принимается щипать траву. Она присаживается на корточки возле ручейка, складывает ладони чашечкой, набирает воду и подносит ко рту. С удовольствием выпивает эту ледяную воду. И внезапно замечает еще кое-что. Такое ощущение, что она узнает это место. Она была здесь раньше, в этом нет никаких сомнений. Ей это снилось. Ручеек. Лес. И она одна, как и сейчас. Во сне это было ночью. Так может быть, это был не сон, а воспоминание? Ее взгляд переносится на другую сторону ручья, где лес становится гуще.

– Дорога, – шепчет она.

Дорога должна проходить там, в лесу. Елена осторожно ступает в ручей, Самир тревожно смотрит на нее.

– Спокойно, – говорит она то ли коню, то ли себе.

Еще пару шагов вперед – и вот она уже на другом берегу. Слышится взволнованное ржание Самира: он встревожен и окликает ее. Может быть, так это и случилось? Значит, здесь она исчезла, и животное об этом вспоминает?

Хвойные деревья стоят все гуще, так близко друг к другу, что некоторые из них засохли, и их ветки трещат при малейшем прикосновении, сухие, как крылья стрекозы. Елена продирается сквозь эти заросли, и в воздухе начинает пахнуть хвоей. И вот она добралась до самой дороги. Мимо проезжает грузовик. Водитель сигналист, чтобы она отошла от обочины.

Здесь... Она стояла здесь в тот день, когда исчезла. Или убежала? Ей хочется привести сюда Эдмунда и рассказать ему о том, что она вспоминает. Вспоминает этот ручеек, лес, дорогу. Но, пожалуй, как раз этим ей трудно поделиться с Эдмундом. Возникает странное ощущение, что она именно *убежала*.

Елена идет назад в лес и переходит через ручеек обратно, а все это время ее мучают вопросы. Почему она оставила коня? Правда ли то, что они говорят, будто она упала с него? Ударилась головой. Зачем ей было идти к дороге и... что было потом? Ее подвезли? До самого Копенгагена? Здесь что-то не так. И прежде всего в истории о том, как она ударилась головой.

Самир поднимает голову и всматривается в лес. Слышен цокот копыт, и на поляне появляется Эдмунд. Он спешивается, но не отпускает поводья, ведет своего гнедого коня за собой по мягкому лесному ковру прямо к ней.

– Я начал за тебя переживать. Мне показалось, что прошло много времени.

Его лицо словно потемнело. У Елены появляется ощущение, будто он что-то скрывает, – таким она его еще не видела. В этом месте он явно чувствует себя как-то неловко.

– Все в порядке... Но я на самом деле тоже не уверена, смогу ли сама вернуться назад.

Елена старается выглядеть такой же спокойной, как всегда. Эдмунд стоит прямо возле нее, но она проскальзывает мимо него к Самиру и поспешно вскакивает в седло.

– Домой? – спрашивает она, прищипывая лошадь.

16

Каким должно быть отчаяние, чтобы возвращаться в свой старый мир за старой долей признания!

Йоахим поднимается по лестнице крупного издательства, проходит мимо загруженных работой редакторов и молодых низкооплачиваемых студентов-стажеров, готовых сделать и сказать что угодно, лишь бы добиться в будущем работы в издательстве. Все то, от чего он бежал. Мир Эллен. Мир со своим собственным языком и сигналами – вселенная, где людей разделяют на тех, кто сидит в тепле и кого выбросили на улицу.

Йоахим улыбается одному из пожилых редакторов, но редактор не улыбается ему в ответ, а только сухо кивает. Это, несомненно, сигнал. Йоахим здесь не самое важное лицо, он никогда не чувствовал себя частью... чего бы то ни было.

Эллен в этом разбиралась гораздо лучше. Она была мастером. Она знала эти сигналы. Воспоминания возвращаются к Йоахиму по мере того, как он идет по издательству. Как он разрабатывал технологию распознавания искренности Эллен. Было совершенно невозможно определить, когда она говорит правду, а когда лжет. Но через несколько лет совместной жизни Йоахим узнал один маленький секрет: когда Эллен лгала, она говорила медленнее. Обычно она говорила быстро, чрезвычайно уместно, отвечала коротко, зачастую агрессивно. Лишь когда она начинала говорить неправду, темп ее речи сразу замедлялся – не сильно, на каких-нибудь несколько процентов, но этого было достаточно, чтобы Йоахим искал совершенно другой путь к истине.

Йоахим видит много знакомых лиц, но никто не здоровается, и он чувствует, как у него в животе все сжимается. Он не распознает сигналов. В этом бизнесе главное не то, сколько продают, а скорее наоборот. Книги, которые продаются тиражом в несколько сотен, может быть, даже пару тысяч экземпляров, считаются по определению чем-то интересным. Это одно из того немногочисленного, что постиг Йоахим. Все заключается в одной совершенно простой формуле: если ты считаешь себя одним из самых умных людей в стране с единственно правильным вкусом, тебе не может нравиться то, что нравится толпе. Это означало бы, что у тебя такой же вкус, как и у большинства, и выходит, ты уже больше не один из избранных. Довольно просто, но все-таки чертовски сложно, из-за скрытого подтекста. Ну и остальное. Кто с кем здоровается, кого не удостаивают взглядом, о ком плохо отзываются, кто с кем может стоять рядом во время приема, как человек проводит отпуск – короче говоря, все.

Он входит в кабинет. Гудрун стоит посередине с кипой бумаг в одной руке: это его рукописи. Она такая же, как и была: широкие бедра, уверенная в себе, темные волосы.

– Мой любимый автор! – расплывается она в улыбке.

Долго и крепко обнимаются – они знают друг друга целую вечность, – и она спрашивает, как он там обустроился. Гудрун помогала ему с самого начала. Тогда он считался молодым и многообещающим, был на подъеме. А сейчас? Каким они его считают сейчас? Гудрун все еще верит в него, но ей интересно, что означает его фраза в электронке: «Наконец-то произошел прорыв!»

Когда он стоит перед ней, его мучает стыд. Он – несчастный, растерянный бедолага, который лишился любимой женщины и не написал ни единого стоящего слова за всю неделю.

Единственное, чем он занимался в своем ноутбуке, так это гуглил фотографии Елены Сёдерберг, а также нашел адрес по тому телефонному номеру, что был написан на подставке под бокалы. Нашелся какой-то примитивный веб-сайт, предлагающий подержанное фотооборудование прошлого тысячелетия. Фотомагазин на Альгаде. И он сообщил об этом в полицию Ибен Хансен Хансен. Рассказал, что это был не Петер из Министерства социального развития, а Горм из фотомагазина на Альгаде. Ибен сказала, что передаст эту информацию кому следует, но Йоахим по ее голосу понял, что вряд ли. Ей это не интересно, они считают его помешанным. Они нашли эту прекрасную Елену Сёдерберг. А о Луизе Андерсен никто не тоскует. Никто, кроме Йоахима, – он единственный, кто скучает по ней.

Гудрун выпускает его из своих объятий:

– Ну как дела? Расскажи о книге. Мне так не терпится узнать!

Гудрун усаживается поудобнее в одно из двух бордовых кресел, стоящих в самом углу комнаты, прямо перед окном. Йоахим располагается напротив нее, кладет руки себе на колени и чувствует, как его охватывает отчаяние. Он пытается спастись рассматриванием полки с книгами, которые Гудрун выпустила за этот год. Пока она наливает кофе, он немного

задерживает взгляд на новой книге: «Система», 500-страничный шведский бестселлер о выдающемся ботанике Карле Линнее.

Йоахим раскрывает книгу и начинает читать о том, как Линней отправился в 1735 году в Харлем (Нидерланды), где написал книгу «Systema Naturae» («Система природы») на тринадцати страницах – и она изменила человеческое восприятие мира. Книга, которую листает Йоахим, – образец мастерства повествования и эрудиции. Действие романа начинается в 1666 году в Ставангере, когда прабабка Линнея была сожжена на костре по обвинению в колдовстве, и продолжается в европейских городах века Просвещения – идет постепенный упадок влияния религии и зарождение новой эры. Йоахим на некоторое время засомневался: может, все звезды на книге – это попытка изобразить ночное небо, или же они действительно означают столько хороших рецензий?

Йоахим снова поднимает глаза к Гудрун. Она улыбается. Но у него ничего нет. Ему нечего рассказать – нет и тринадцати страниц, не говоря уже о пятистах или о чем-то среднем между этими цифрами. Да, рассказать он может только о том, что он несчастный и брошенный, – а больше ни о чем. И теперь, когда он сидит здесь, следует признаться самому себе: была небольшая надежда, что она ему что-нибудь предложит. Да, было время, когда Гудрун была в нем заинтересована. Но на вечеринке в издательстве несколько лет назад он отказал ей, мягко и корректно, и после этого они делали вид, словно ничего не произошло. К счастью, она была замужем и, насколько он знал, до сих пор живет с тем же мужчиной. Но тогда она готова была все бросить ради него.

Йоахим смотрит на себя со стороны. Все время, каждый день он с болью осознает свое положение. Он без Елены ничто.

Взгляд Гудрун начинает блуждать по кипам бумаг, лежащих на столе. Он должен принести что-нибудь новенькое. В этом мире он может на что-либо рассчитывать, только если приносит что-нибудь новенькое.

– Это романтично. Представь себе: большая несчастная любовь... Я писал без всякого стыда крупными кусками, – говорит он, и Гудрун улыбается. – Есть интрига исчезновения и таинственность, – продолжает он. – Женщина, Луиза, исчезает и снова появляется, но оказывается совершенно другим человеком...

Йоахим останавливается. Как глупо все то, что он здесь рассказывает!

Гудрун проявляет неподдельный интерес:

– Рассказывай дальше! Те страницы, что ты прислал, и правда неплохие. Насколько я сейчас могу оценить, у тебя выходит очень интересно.

– Да...

Йоахим пытается вспомнить, что же было на этих страницах. Он отправил ей все, что ему удалось написать до того утра, когда Эдмунд ворвался в кафе. Страницы, которые он не почеркал. Он не может отчетливо вспомнить, о каком количестве страниц идет речь. Единственное, что он помнит, так это лицо Елены, когда она прощалась с ним перед рестораном.

Гудрун перелистывает эти страницы и с жаром заявляет:

– Эта книга очень подходит для летнего выпуска, – и продолжает: – Скажем, в июне? Если, конечно, мы все хорошо поработаем, у нас может все получиться.

Гудрун заговорщицки ему подмигивает. Они оба давно занимаются этим и знают свое дело. Выпуск летом означает, что нужно написать что-нибудь легкое, такое, чтобы захотелось взять с собой на пляж, где можно пропускать целые страницы, не теряя нити повествования.

– Да, но я не уверен, что книга будет готова так быстро. Мне бы очень хотелось, чтобы она получилась хорошей, – робко замечает он.

– Йоахим, все, к чему ты прикасаешься, получается хорошо. Ты просто должен писать. Пиши, пиши, пиши! Если хочешь знать мое мнение, твоя проблема в том, что ты слишком долго думаешь и слишком мало пишешь.

* * *

Йоахим уже стоит на улице. Встреча была пустой тратой времени для них обоих. До расставания с Еленой он и не подозревал, что был таким одиноким. Ни семьи, ни друзей. Конечно, можно было бы найти какого-нибудь двоюродного братца или старую тетюшку, и каких-нибудь друзей из прошлого. Какого-нибудь старого, жирного, облысевшего, полностью разочарованного человека, с которым они могли бы сидеть вместе и напиваться, и скулить о том, что ничего не произошло так, как они себе представляли. Что у них ужасные жены, да и работа у обоих в печенках сидит. Но у Йоахима нет на это сил. Единственное, что ему хочется, это поговорить с Еленой. Он пытается убедить самого себя, что напишет ей – о том, как тоскует. Но было бы лучше, если б она к нему вернулась.

Он начинает бесцельно идти по улице в том направлении, о котором вчера и сегодня думал. В сторону фотомагазина. Йоахим совершенно не представляет, что он скажет. Может быть, ему заявить, что он из полиции?

Он не может потерять Елену. А Елена связана с пропавшей Луизой Андерсен. У него из головы не выходит мысль: для того чтобы вернуть Елену, ему нужно разыскать Луизу Андерсен, понять, почему Елена появилась в ее облике. И телефонный номер, написанный на подставке для бокалов, – его единственная зацепка.

Йоахим ускоряет шаг. Ему хочется бежать, он слышит свой учащенный пульс, порывистое дыхание, чувствует, как потеет. Но это будет выглядеть глупо, если он побежит по тротуару в центре Копенгагена, где полно людей в летней одежде. Все направляются в парки с корзинами для пикника. Вокруг него проходит жизнь, в которой он не принимает участия.

Фотомагазин на Альгаде. Йоахим останавливается. Он и представить себе не мог, что здесь существуют еще магазины такого рода. Витрина с фотооборудованием: проектор «Супер-8», маленькие серые бобины, сменные объективы, – вещи из того мира, в котором все можно было потрогать рукой. Йоахим в нерешительности стоит перед витриной, пытаясь собрать волю в кулак, хотя с большим удовольствием постоял бы еще, размышляя о старом мире и философствуя о том, что, когда он был молод, мир был объяснимым. Если перенестись на тысячу или две тысячи лет назад, можно было бы объяснить Цезарю все вплоть до 1985 года: двигатели внутреннего сгорания, которые толкают автомобили вперед, камера, которая направляет свет на полосу пленки, локомотив... Но сегодня? Сегодня ничего объяснить нельзя. «Фейсбук» и «Твиттер». И женщины, которые через три года оказываются совершенно другими. Нет. Такого Юлий Цезарь никогда бы не понял.

Вперед, шепчет он и заходит в магазин. Какой-то пожилой мужчина стоит, согнувшись над разобранным фотоаппаратом, лежащим на прилавке. Он поднимает голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.